

Том 3 (6)

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Казанского юридического института МВД России

Редакционный совет

д.ю.н., профессор **Номоконов В.А.**
(Дальневосточный федеральный университет)

д.ю.н., профессор **Юзиханова Э.Г.**
(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)

д.ю.н., доцент **Агапов П.В.** (Академия Генеральной прокуратуры РФ)

д.ю.н., доцент **Рогова Е.В.** (Восточно-Сибирский институт МВД России)

ISSN 2541-8262

электронный
научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор: Ф.К. Зиннуров

Корректоры: О.Н. Хрусталева,
Е.В. Зотина

Дизайн, верстка: Е.О. Смирнова

Перевод: Е.О. Смирнова

Периодичность выхода журнала –
2 раза в год

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 25 августа 2016 г. Регистрационный номер Эл № ФС 77-66976

2018

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Ф.К.**, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов С.Н.**, заместитель начальника КЮИ МВД России (по научной работе)

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор **Казанцев С.Я.**, профессор кафедры криминалистики

д.ю.н. **Алиулов Р.Р.**, начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД

д.с.н., профессор **Комлев Ю.Ю.**, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии

д.ю.н., доцент **Андреев М.В.**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Гарафутдинов М.Р.**, заместитель начальника института (по учебной работе)

к.ю.н., доцент **Шалагин А.Е.**, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

к.пед.н., доцент **Хрусталева О.Н.**, начальник редакционно-издательского отделения

© Казанский юридический институт МВД России.

Редакционно-издательское отделение

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128
email: vestnikkui@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грачева О.С., Ханыкова П.А.

Особенности привлечения к административной ответственности за нарушения федерального и регионального законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления..... 48

Каримов А.М.

Институт заглаживания вреда, причиненного совершением преступления, в контексте концепции возвратного права..... 53

Комлев Ю.Ю.

Миллениалы, или куда уходит девиантность?..... 59

Максуров А.А.

Проблемы координации в конституциональном законодательстве об автономных областях Италии.....67

Тагиров З.И.

Информационный анализ стратегических данных о терроризме за рубежом (на примерах отчетов TE-SAT и GTI 2017 года).....73

Шалагин А.Е., Идиятулов А.Д.

Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с побуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».....82

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Гаджиев М.А.

Проблемы физической подготовленности слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах образовательных организаций МВД России.....89

Мифтахов И.З.

Профессиональная полиция Афганистана: опыт подготовки кадров в 2003-2006 гг.94

Новик Н.Н.

Проблемы психолого-педагогического сопровождения детей мигрантов в российских образовательных организациях.....102

Романюк В.С.

Проблемы развития социально-культурной деятельности в дореволюционной полиции России.....107

Смирнова Е.О.

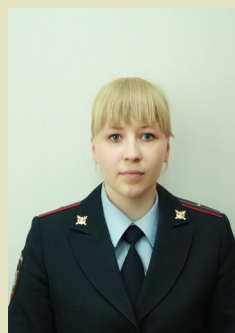
Трудности перевода юридических реалий романо-германской и англосаксонской правовых систем.....111

Шамсеева Г.Х.

Юридические «вкрапления» в тексте художественного произведения и их функциональная значимость (на примере романа Сидни Шелдона ("Rage of Angels")).....116

Грачева О.С.

Ханыкова П.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО
И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ
ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

PECULIARITIES OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR
VIOLATIONS OF THE FEDERAL AND REGIONAL LEGISLATION IN THE SPHERE
OF THE REFERENCE WITH PRODUCTION WASTES AND CONSUMPTION

48

В данной статье проанализирована судебная практика по нарушениям федерального и регионального законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления, рассмотрены особенности привлечения к административной ответственности в данной сфере.

Ключевые слова: отходы производства и потребления, региональное законодательство, федеральное законодательство, административная ответственность

This article analyzes cases on federal and state legislation violations in the field of waste management of production and consumption. Features of bringing to administrative responsibility in this area are considered.

Keywords: waste, regional and Federal legislation, administrative responsibility

Для цитирования: Грачева О.С., Ханыкова П.А. Особенности привлечения к административной ответственности за нарушения федерального и регионального законодательства в сфере обращения с отходами производства и потребления // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 48-52. DOI:10.24420/KUI.2018.18.66.001

For citation: Gracheva O.S., Hanykova P.A. Peculiarities of Bringing to Administrative Responsibility for Violations of the Federal and Regional Legislation in the Sphere of the Reference with Production Wastes and Consumption// Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 48-52. DOI:10.24420/KUI.2018.18.66.001

В соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, а также административное и административно-процессуальное законодательство находятся в

совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Многие субъекты РФ воспользовались этим правом и установили в региональных законах административную ответственность за нарушение законодательства в данной сфере.

В процессе нормотворчества на региональном уровне должны быть соблюдены два важных правила: принимаемые субъектом РФ законы не должны противоречить федеральному законодательству, и при их принятии региональные органы власти не должны выходить за пределы своих полномочий. Данные требования не всегда соблюдаются, и в некоторых случаях это приводит к тому, что в региональных законах об административной ответственности фактически дублируются нормы Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП) РФ.

Приведём несколько примеров, иллюстрирующих этот вывод.

Из определения Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 года¹: Калининградским областным судом рассматривалось заявление Д., которая просила признать ч. 1, 2, 3, 5 ст. 73 КоАП Калининградской области² недействующими и противоречащими федеральному законодательству. Статья устанавливала ответственность за невыполнение требований законодательства региона о порядке сбора, вывоза и утилизации отходов производства и потребления, а также организации уборки и содержания территорий (часть 1).

Заявитель в подтверждение своей позиции ссылается на факт урегулирования оспариваемой части федеральным законодательством, а именно ст. 8.1 КоАП РФ. Определением Верховного Суда РФ требования заявителя были удовлетворены и ч. 1, 2, 3, 5 ст. 73 КоАП Калининградской области³ признаны недействующими.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2015 г. № 71-АПГ15-3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2017).

² Кодекс Калининградской области об административных правонарушениях: закон Калининградской области от 12 мая 2008 г. № 244: принят Калининградской обл. Думой 24.04.2008. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2017).

³ Там же.

⁴ Свердловский областной суд. URL: <https://oblsud--svd.sudrf.ru> (дата обращения: 26.11.2017).

⁵ Об административных правонарушениях на территории Свердловской области: закон Свердловской области от 14 июня 2005 года № 52-ОЗ: принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 31 мая 2005 года: одобрен Палатой Представителей Законодательного Собрания Свердловской области 9 июня 2005 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2017).

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 30 августа 2017 г. № 45-АПГ 17-9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2017).

Ещё одним примером является решение от 9 марта 2017 года, принятое Свердловским областным судом⁴. В статье 16 закон «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области»⁵ устанавливает административную ответственность за нарушения правил транспортировки отходов производства и потребления, а также сроков их вывоза, установленных нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, которые не повлекли нарушения экологических и санитарно-эпидемиологических требований. ООО «Д» было привлечено к административной ответственности по ст. 16 закона и обратилось в суд с административным иском о признании названной статьи недействующей. Суд пришёл к выводу, что оспариваемая норма закона фактически устанавливает ответственность за несоблюдение экологических, санитарно-эпидемиологических требований, порядка содержания придомовой территории, регламентированную федеральным законодательством. К сожалению, Свердловский суд в своём решении не указывает, какую именно норму КоАП РФ дублирует статья, мы предполагаем, что речь идёт о статье 8.2 КоАП РФ. При этом решение суда первой инстанции было обжаловано в Верховный Суд РФ⁶ в апелляционном порядке представителем губернатора, но решение областного суда было оставлено без изменений.

Еще один пример дублирования статьи 8.2 КоАП РФ нормой регионального законодательства. Решением Нижего-

родского областного суда от 27 апреля 2016 года¹ статья 5.16.2 КоАП Нижегородской области была признана недействительной. В конструкции диспозиции статьи не описаны конкретные противоправные деяния, она включает общие правила и нормы в области обращения с отходами, а именно порядок сбора, обработки, утилизации, обезвреживания отходов, поэтому она полностью охвачена статьей 8.2 КоАП РФ. По заявлению Т., который был привлечен к административной ответственности по статье 5.16.2 КоАП Нижегородской области, суд пришел к выводу, что данная норма противоречит ст. 1.3 и 1.3.1 КоАП РФ, т.е. находится вне пределов ведения субъекта Российской Федерации.

По заявлению прокурора решением Самарского областного суда от 20 мая 2015 г.² было внесено несколько изменений в закон Самарской области №115-ГД «Об административных правонарушениях на территории Самарской области»³. Так, например, закон предусматривает наложение административного наказания за выброс мусора и (или) иных предметов из окон жилых и нежилых помещений. Суд первой инстанции не признал норму противоречащей законодательству.

В апелляционном порядке⁴ заявление о признании недействующей ст. 2.1.1 указанного закона было удовлетворено Верховным Судом РФ. Определение суда основывается на факте превышения полномочий со стороны субъекта РФ, поскольку диспозиция статьи устанавливала ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических и экологических требований, не учитывая того, что

федеральным законодательством уже установлены как правила и стандарты в этой сфере, так и ответственность за их нарушение (ст. 8.2 КоАП РФ).

Анализируя нормотворческую и правоприменительную деятельность субъектов РФ в сфере обращения с отходами производства и потребления, можно сделать вывод о том, что основной ошибкой региональных властей является попытка осуществлять правовое регулирование отношений, которые находятся вне пределов их компетенции. По этой причине Верховный Суд РФ признаёт недействующими как постановления о привлечении к административной ответственности, так и нормы региональных законов об административных правонарушениях.

Первопричиной всех перечисленных нарушений со стороны субъектов Российской Федерации является некорректное толкование норм федерального законодательства об административной ответственности и федерального законодательства об отходах производства и потребления. Необходимо отметить, что и при применении федерального законодательства об административной ответственности за нарушения в сфере обращения с отходами производства и потребления надзорные органы также в силу указанной причины неправомерно привлекают к административной ответственности субъектов соответствующих правоотношений в сфере обращения с отходами производства и потребления.

В 2009 году определение понятия «отходы», закрепленного в Федеральном законе № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁵, претерпело, на первый

¹ Решение Нижегородского областного суда от 24 апреля 2016 г. № 3а-328/16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2017).

² Решение Самарского областного суда от 20 мая 2015 г. по делу № А55-6391/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2017).

³ Об административных правонарушениях на территории Самарской области: закон Самарской области от 01 ноября 2007 г. №115-ГД: принят Самарской Губернской Думой 23.10.2007. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2017).

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2015 г. № 46-АПГ 15-39. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2017).

⁵ Российская Федерация. Об отходах производства и потребления: Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ: принят Гос. Думой 22.05.1998; одобр. Советом Федерации 10.06.1998 (ред. от 28.12.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.11.2017).

взгляд, незначительное изменение. Из дефиниции было исключено описание процесса образования отходов. Поэтому деятельность, в процессе которой образуются отходы, не может признаваться именно обращением с отходами [1, 2].

Начиная с 2009 года, т.е. с момента внесения изменений в ФЗ «Об отходах производства и потребления», в суды всех инстанций подаются жалобы на незаконное привлечение к административной ответственности. Это зачастую связано с тем, что ряд надзорных органов, в чью компетенцию входит выявление и пресечение административных правонарушений в сфере обращения с отходами, до настоящего времени включает образование отходов в процесс обращения с ними.

Рассмотрим несколько примеров. В 2014 году¹ заповедник «Керженский» привлечён к административной ответственности по ст. 8.2 КоАП РФ. Решением Нижегородского областного суда постановление о привлечении заповедника было отменено и признано незаконным. В качестве доказательственной базы Росприроднадзор предоставил паспорта отходов, которые подтверждали образование на территории заповедника отходов 1-4 класса опасности. Однако указанный факт не может быть принят судом и не доказывает наличия деяния, предусмотренного ст. 8.2 КоАП РФ, ввиду того что учреждение, согласно ФЗ «Об отходах производства и потребления» № 89-ФЗ, осуществляло лишь образование отходов, доказательств факта обращения с ними представлено не было.

В 2015 году «ООО» привлечено к административной ответственности по ст. 8.2 КоАП РФ. Надзорным органом был выявлен факт накопления отхо-

дов, которые образуются в результате хозяйственной деятельности. Однако по жалобе «ООО» постановлением Верховного Суда РФ от 8 июня 2015 года² решение о привлечении к ответственности было отменено, так как Росприроднадзором в ходе производства по делу не установлен факт, что юридическое лицо заключило договор об аренде мусорного контейнера. Соответственно, если мусорный контейнер принадлежал другому лицу, то общество не осуществляло накопление отходов, следовательно, и не осуществляло обращение с отходами, поэтому суд, не найдя доказательств, посчитал привлечение к административной ответственности незаконным.

Таким образом, анализ практики применения федерального и регионального законодательства об административной ответственности в сфере обращения с отходами производства и потребления показал, что основной проблемой правоприменения в данной сфере является некорректное толкование норм закона надзорными органами, осуществляющими привлечение к административной ответственности. Субъекты РФ нередко осуществляют нормативное правовое регулирование вне пределов своих полномочий, а надзорные органы, применяя нормы федерального законодательства, не всегда правильно их толкуют и не всегда собирают достаточную доказательственную базу, что приводит к неправомерному привлечению к административной ответственности. Результатами таких нарушений в нормотворческой и правоприменительной деятельности могут стать более серьезные правовые последствия – нарушения конституционных прав граждан и юридических лиц [3].

¹ Решение Арбитражного суда Нижегородской области 18 декабря 2014 г. № А43-18195/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2017).

² Постановление Верховного Суда РФ от 08 июня 2015 г. № 34-АД15-1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Игнатьева И.А. Правовые проблемы определения понятия «отходы производства и потребления» // Экологическое право. 2018. № 1. С. 12 - 19.
- 2.Пономарев М.В. Право собственности на отходы: правовые проблемы реализации и перехода // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 53 - 64.
- 3.Химикус Е.И. Правовые меры охраны окружающей среды от отходов производства и потребления // Современное право. 2016. № 12. С. 66 - 70.

Грачёва Оксана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России

e-mail: oханamelnikova@yandex.ru

Ханыкова Полина Александровна, слушатель 5 курса Нижегородской академии МВД России

e-mail: pochta-0202@bk.ru

© Грачёва О.С., 2018

© Ханыкова П.А., 2018

Статья получена: 17.10.2018. Статья принята к публикации: 05.11.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Каримов А.М.

ИНСТИТУТ ЗАГЛАЖИВАНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ВОЗВРАТНОГО ПРАВА

INSTITUTE OF COMPENSATION OF HARM CAUSED
BY CRIME IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT
OF REVERSIONARY RIGHT

В статье рассмотрены вопросы, связанные с нормами различных отраслей права, регулируемыми заглаживанием вреда, причиненного совершением преступления. Также рассмотрены аспекты заглаживания вреда, причиненного совершением преступления, сквозь призму активно обсуждаемых в научных кругах концепций возмездия и восстановительного правосудия. Данные доктрины предлагают совершенно иной подход к вопросам уголовной ответственности и наказания: в фокусе их внимания личность потерпевшего и его потребности, в частности, потребность в заглаживании вреда, причиненного совершением преступления. Автором проведен анализ норм законодательства и юридической литературы, который свидетельствует, что названные теории могут быть применены в российском законодательстве, однако в настоящее время в научной литературе нет единого подхода к решению данного вопроса, остающегося дискуссионным до сих пор.

Ключевые слова: возмездие, восстановительная юстиция, материальный ущерб, круги правосудия, потерпевший

The article deals with issues related to the norms of various branches of law that regulate compensation of harm caused by crime. Issues related to the concept of compensation of harm caused by crime through the prism of reversionary right and restorative justice, widely discussed in scientific circles, are also considered. These doctrines offer a completely different approach to issues of criminal responsibility and punishment. At the center of these doctrines is the identity of the victim and his/her needs, in particular the need to smooth out the harm caused by the crime. The author analyzes various legal literature, which indicates that these theories can be applied in the Russian legislation, but at the moment there is no single approach to solving this issue in the scientific literature, and this issue remains discursive.

Key words: refund law, restorative justice, material damage, circles of justice, victim

Для цитирования: Каримов А.М. Институт заглаживания вреда, причиненного совершением преступления, в контексте концепции возмездия права// Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 53-58.DOI: 10.24420/KUI.2018.39.59.002

For citation: Karimov A.M. Institute of Compensation of Harm Caused by Crime in the Context of the Concept of Reversionary Right // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 53-58. DOI: 10.24420/KUI.2018.39.59.002

В январе – августе 2018 года зарегистрировано 1329,9 тысяч преступлений. Половину от общего количества совершенных преступлений составили хищения чужого имущества, которыми государству, частным лицам и предприятиям был причинен многомиллиардный ущерб, сопоставимый с бюджетом некоторых европейских и азиатских стран.

Общественная значимость проблемы жертв преступлений определяется масштабами явления, для которого характерна устойчивая тенденция к росту. Увеличивается количество как выявленных преступлений, так и остающихся латентными (ориентировочно – до 20 млн жертв преступлений ежегодно) [1, с. 58].

Начиная с 1950-х годов, зарубежными юристами, криминологами [2, 3] были проведены значительные исследования эффективности существующей системы наказания. Результатом данных исследований стала теория возвратного уголовного права (возмещающей юстиции) [4]. Основные принципы и положения данной теории в настоящее время активно развиваются в западных государствах. Необходимость применения этих положений пропагандируется и в России. Сторонниками данной теории в российском уголовном праве являются Я.И. Глинский, Б.А. Минин, С.С. Босхолов, Ю.С. Жариков, Х. Зер.

В январе – августе 2018 года зарегистрировано 1329,9 тысяч преступлений. Половину от общего количества совершенных преступлений составили хищения чужого имущества, которыми государству, частным лицам и предприятиям был причинен многомиллиардный ущерб, сопоставимый с бюджетом некоторых европейских и азиатских стран¹.

Общественная значимость проблемы жертв преступлений определяется масштабами явления, для которого характерна устойчивая тенденция к росту. Увеличивается количество как выявлен-

ных преступлений, так и остающихся латентными (ориентировочно – до 20 млн жертв преступлений ежегодно) [1, с. 58].

Начиная с 1950-х годов, зарубежными юристами, криминологами [2, 3] были проведены значительные исследования эффективности существующей системы наказания. Результатом данных исследований стала теория возвратного уголовного права (возмещающей юстиции) [4]. Основные принципы и положения данной теории в настоящее время активно развиваются в западных государствах. Необходимость применения этих положений пропагандируется и в России. Сторонниками данной теории в российском уголовном праве являются Я.И. Глинский, Б.А. Минин, С.С. Босхолов, Ю.С. Жариков, Х. Зер.

Б.А. Минин в своих исследованиях подвергает критике существующее положение в области правового регулирования юридической ответственности и правосудия. Автор проводит ретроспективный анализ законодательства, в частности хеттского права, и юридической литературы, существовавшей до того, как сложилась система, созданная римскими юристами. Также им были изучены система и принципы более позднего права, основанного на принципах, не характерных для римского права, и российское законодательство до Уложения 1649 года. В ходе проведенного анализа Б.А. Минин сделал вывод, что изученная им система права была значительно более результативной, экономичной, справедливой, чем та, что создали древние римляне, система, на которой основана современная континентальная правовая семья. В первую очередь это касается вопросов юридической ответственности. Б.А. Минин предложил вернуться к принципам «старого» права, главным из которых был принцип имущественной возмездности за нанесенный ущерб. По мнению Б.А. Минина, в данный момент

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - август 2018 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14468708/> (дата обращения: 12.09.2018).

возникла необходимость пересмотреть существующие положения и оптимизировать формы и размеры наказания.

Б.А. Минин рассматривает договоренность между причинителем вреда и потерпевшим в качестве адекватной меры наказания [5]. Он включает в систему основных признаков возвратного права три положения:

1. Основным и даже единственным критерием при решении вопроса об общественной опасности деяния является размер причиненного другому лицу, обществу вреда. При этом необходимо отказаться от всякой ссылки на действующую норму права, которая является основой современной системы правосудия.

2. Применение альтернативных видов наказания в виде обязанности лица, совершившего преступление, возмещать нанесенный ущерб в материальной форме. Б.А. Минин предлагает пересмотреть взгляды на санкцию в виде лишения свободы как универсального метода наказания, при этом данное положение не касается преступников, представляющих реальную опасность для общества. Возмещение представляет собой выплату материальных средств от преступника, его коллег, родственников или «третьих лиц». В случае отсутствия у лица финансовых возможностей возместить причиненный ущерб автором рассматривается возможность личной работы на номинально оплачиваемых работах.

3. Требование о заглаживании вреда, причиненного в результате совершения преступления, может быть предъявлено через суд и другие органы власти потерпевшим или любым лицом с необходимым обоснованием причиненного вреда [1, с. 123].

Б.А. Минин полагает, что при использовании данных принципов удастся преодолеть многие барьеры на пути установления желанной эффективной справедливости и предлагает сократить количество нормативных правовых актов, регулирующих вопросы юридиче-

ской ответственности. Им допускается перспектива создания единого кодифицированного нормативного акта с ограниченным количеством норм уголовного и гражданского права.

Концепция Б.А. Минина далека от совершенства. Согласно его позиции, все можно до предела упростить и единственной задачей правоохранительной и судебной системы станет заглаживание вреда, причиненного совершением преступления. При этом после выплат жертве преступления причинитель вреда будет обязан компенсировать государству расходы на предварительное расследование. Пенитенциарные учреждения предназначены для компактного размещения лиц, совершивших преступления, где они могут осуществлять трудовую деятельность, которые в дальнейшем будут направлены на заглаживание вреда потерпевшим при невозможности его единовременной компенсации.

Большинство идей теории возвратного права вызывает серьезные сомнения. Однако критическая оценка инновационной идеи возвратного права не означает, что надо отвергнуть предложение об усилении защиты прав потерпевшего.

Х. Зер выделяет ряд потребностей жертв преступления. В центре этой системы потребность в заглаживании вреда, причиненного в результате совершения преступления. Удовлетворения именно этой потребности ждут жертвы преступлений от системы правосудия. Он считает, что «правосудие призвано не разъединять людей, а объединять их» [6, с. 177-178].

Наряду с концепцией возвратного права в юридических кругах активно обсуждаются положения теории восстановительного правосудия.

Суть восстановительного правосудия, по мнению Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова, «состоит в нахождении такого ответа на преступление, который сочетает идею уголовной ответственности с некарательным подходом. При

этом во главу угла необходимо ставить заглаживание вреда, причиненного совершением преступления, психологическое исцеление жертвы и возмещение материального ущерба» [7, с.11].

В ряде стран в последние 30 лет приобретают популярность различные виды альтернативной юстиции в виде примирительных процедур. Это примирительные способы решения уголовно-правовых конфликтов по делам, не представляющим большой общественной опасности.

Основные принципы и стандарты реализации программ восстановительного правосудия отражены в принятой Кабинетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г. Рекомендации № R(99)19 «Посредничество в уголовных делах» [7, с. 9-10].

В целях объективного и всестороннего исследования существующих положений и методик необходимо проанализировать наиболее эффективный зарубежный опыт применения процедур медиации и примирения.

В Соединенном королевстве в целях урегулирования вопросов заглаживания вреда, причиненного совершением преступления, активно используются процедуры «медиации» двух основных видов: полицейская медиация и судебная медиация. Полицейская медиация предполагает освобождение от уголовной ответственности виновного лица с объявлением официального предупреждения в случае успешного проведения примирительных процедур. Особенность судебной медиации состоит в том, что суд откладывает вынесение окончательного приговора и назначение наказания до проведения медиационных процедур. Суд с согласия подсудимого вправе отсрочить назначение наказания на срок до 6 месяцев для заглаживания причиненного им вреда. При этом судебная медиация не является альтернативой уголовной ответственности, поскольку в данном случае суд вправе лишь смягчить ответственность.

Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии содержит нормы, регламентирующие право суда отказаться от назначения наказания при условии заглаживания виновным вреда, причиненного совершением преступления, в том числе при наличии выраженного к этому стремления (§ 46a). К достижению соглашения о заглаживании вреда, причиненного совершением преступления, стороны могут прийти как самостоятельно, так и с помощью посредника – медиатора. Эта возможность предусматривается в том случае, если за совершение преступления предусмотрено не более строгое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года или денежный штраф в сумме до 360 дневных ставок оплаты труда [8, с.339].

В соответствии со ст. 41 Уголовно-процессуального кодекса Французской Республики прокурор до принятия решения о возбуждении публичного иска вправе осуществить условный отказ в возбуждении уголовного преследования и в связи с ним предложить лицу, совершившему преступление, загладить причиненный им вред и начать с согласия сторон процедуру медиации. Она осуществляется без участия суда, либо самим прокурором, либо специально созданной общественной организацией. При достижении сторонами компромисса заключается соответствующее соглашение. Если же согласие не будет достигнуто, материалы дела направляются для возбуждения публичного уголовного преследования [8, с. 341].

В результате изменений Уголовного кодекса Польши, вступивших в силу с 1 июля 2015 года¹, в польском законодательстве появился новый уголовно-правовой институт – компенсационное прекращение дела. Так, судебное рассмотрение уголовного дела может быть прекращено по ходатайству потерпевшей стороны при соблюдении нескольких обстоятельств. Одним из условий является проведение процесса медиации между виновным и жертвой.

¹Dziennik Ustaw. 2015. Poz. 396. URL:<https://www.infor.pl/dziennik-ustaw/r2018/> (дата обращения 12.10.2018.).

Нами такая практика оценивается положительно. Она способствует снижению социальной напряженности, обеспечивает соблюдение интересов жертвы преступления и оказывает важное профилактическое воздействие на уровень преступности.

В последние годы идея «восстановительного правосудия» активно обсуждается и в России. Практика медиаторства (медиации) уверенно внедряется в сферу гражданско-правовых конфликтов [8, с.40]. Медиация начинает пропагандироваться и как способ реализации идеи альтернативной ответственности, ограничивающей сферу карательного разрешения уголовно-правовых конфликтов. Значимость такого подхода заключается в снижении конфликтности через примирение сторон. При этом обеспечивается восстановление психологического благополучия жертвы преступления и создание факультативных условий обеспечения интересов потерпевшего.

Вместе с тем, несмотря на положительное отношение криминологов, юристов, исследователей и сотрудников правоохранительных органов к институту медиации, действенный механизм применения этого института не разработан даже в теории. Существует большое количество научных идей по внедрению данных механизмов в российское законодательство. Так, А.М. Понасюк считает, что правовые нормы о медиации необходимо закрепить в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Адвокат в данном случае выступает в качестве медиатора, как лицо профессионально компетентное [9].

Эта идея заслуживает внимания, так как предложенные А.М. Понасюком дополнения в указанный выше нормативный правовой акт достаточно четко регламентируют условия адвокатской медиации, организационно-структурные изменения по созданию специальных подразделений в адвокатуре, гарантии беспристрастности, условия оплаты их услуг. Однако идея адвокатской медиации

остается весьма сомнительной, так как основной задачей адвокатов в России и основным направлением деятельности остается прежде всего защита интересов подозреваемых и обвиняемых. Вопрос о том, насколько ими будут учитываться потребности потерпевшего, остается дискуссионным.

Процесс становления в России практики восстановительного правосудия связан с освоением положительного мирового опыта и формированием собственных моделей, основанных на действующем законодательстве. Конституция РФ должна не только декларировать те или иные гарантии гражданам, но и реально обеспечивать их безоговорочное соблюдение.

В ходе проведенного нами анализа юридической литературы мы пришли к выводу, что идеи «восстановительного правосудия» не являются конкурентными положениям «возвратного права». Их объединяет единая цель, выражающаяся в разработке эффективных правовых механизмов заглаживания вреда, причиненного совершением преступления. Однако у данных концепций разные сферы воздействия, средства и методы достижения целей.

Для принципов возвратного права характерны не индивидуальные диспозитивные условия примирения, а общенормативные, которые устанавливаются, исходя из разработанных методик и процедур расчета объема вреда, причиненного совершением преступления. При использовании механизмов и способов «возвратного права» все расчеты причиненного вреда заранее регламентированы. Также можно предположить, что для «возвратного права» больше характерны уголовно-правовые средства достижения целей, в отличие от «восстановительного правосудия», где активно используются диспозитивные методы гражданско-процессуального права.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть ряд положений существующей уголовной политики. Правовой основой для

подобных изменений может служить ст. 52 Конституции РФ, предусматривающая обязанность государства обеспечить потерпевшим компенсацию причиненного преступлением ущерба.

Для решения данной задачи требуется использование всего комплекса правовых средств воздействия на лиц, совершивших преступления, выражающегося в стимулировании лица к совершению определенных действий путем освобождения его от обременений, связанных с уголовно-правовой репрессией (антирепрессивный метод) [10, с.53-54].

По нашему мнению, действенного социально полезного эффекта наказания или иные меры уголовно-правового характера нужно добиваться право восстанавливающим воздействием, а не жесткостью наказания. Потерпевший должен иметь реальную возможность воспользоваться своими

правами на уголовно-правовую защиту, делегируемую ст. 52 Конституции РФ.

В связи с вышеизложенным нами сформулировано дополнение к тексту статьи 76 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим), которую мы предлагаем изложить следующим образом: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, подлежит освобождению от уголовной ответственности, в том числе в порядке медиации, если оно примирилось с потерпевшим и полностью загладило причиненный потерпевшему вред. Лицо, возместившее ущерб частично, может быть освобождено от уголовной ответственности, если против этого не возражает потерпевший».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Минин Б.А. Возвратное право: правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. М.: Юриспруденция, 2007. С. 472 .
2. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
3. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001.
4. Глинский Я. Кризис наказания и как с ним бороться... // Пчела. 2003. № 2.
5. Минин Б.А. О необходимости реализации в правосудии комплекса принципов «возвратного права» // Государство и право. 2003. № 11. С.102-103.
6. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ. М.М. Стерник и др. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. С. 184.
7. Карнозова Л.М., Максудов Р.Р. Практические инициативы по созданию элементов ювенальной юстиции в России: идеи, формы реализации, препятствия. М., 2004. С. 11.
8. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. М.: Человек, 2012. 392 с.
9. Понасюк А.М. Содействие адвокатом примирению сторон уголовного судопроизводства в качестве посредника (медиатора) // Ученые труды РАН, 2010. № 3. С. 26-31.
10. Жариков Ю.С. Теория и практика обеспечения и охраны законности в сфере уголовно-правового регулирования: монография. М.: Юриспруденция, 2010. 159 с.

Каримов Адель Миннурович, преподаватель кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД Казанского юридического института МВД России

e-mail: karimov485@mail.ru

© Каримов А.М., 2018

Статья получена: 15.10.2018. Статья принята к публикации: 30.10.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Комлев Ю.Ю.

МИЛЛЕНИАЛЫ,
ИЛИ КУДА УХОДИТ ДЕВИАНТНОСТЬ?MILLENNIALS,
OR WHERE DEVIANCE GOES?

В представленной статье автор исследует вопросы влияния технологий на поведение подростков; девиаций, вызванных технологическим прогрессом; показывает, как развивается преступность в рамках кибернетизации общества; делает акцент на том, что деятельность органов внутренних дел не должна отставать от правонарушений, совершающихся при помощи компьютерных технологий.

Ключевые слова: миллениалы, high-tech, киберпреступление, девиантность, киберворовство, киберхулиганство, киберсталкерство, кибермошенничество, кибербезопасности

In the present article, the author explores the impact of technology on behavior of adolescents; deviations caused by technological progress; shows how crime develops within cybernization of society; emphasizes that the activities of the internal affairs bodies should not lag behind the offenses committed with the help of computer technology.

Key words: millennials, high-tech, cybercrime, deviance, cyber stealing, cyber bullying, cyberstalking, cyber fraud, cyber security

Для цитирования: Комлев Ю.Ю. Миллениалы, или Куда уходит девиантность? // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 59-66. DOI: 10.24420/KUI.2018.64.75.003

For citation: Komlev Yu.Yu. Millennials, or Where deviance goes? // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 59-66. DOI: 10.24420/KUI.2018.64.75.003

Технологии меняют жизнь человечества не впервые. В XX веке потребовалось 50 лет, чтобы электричество стало доступным для 25% населения. Персональному компьютеру, чтобы войти в жизнь современного человека, понадобилось 16 лет, интернету — 7 лет, для социальных сетей этот срок укладывается в 5 лет — не более. Никогда еще процессы инновационных технологических изменений не развивались такими высокими темпами, как в начале третьего тысячелетия — периода в обществе постмодерна, который характеризуют как high-tech-эпоха. Технологическая революция, информатизация, кибернетизация, интернетизация социума эпохи постмодерна

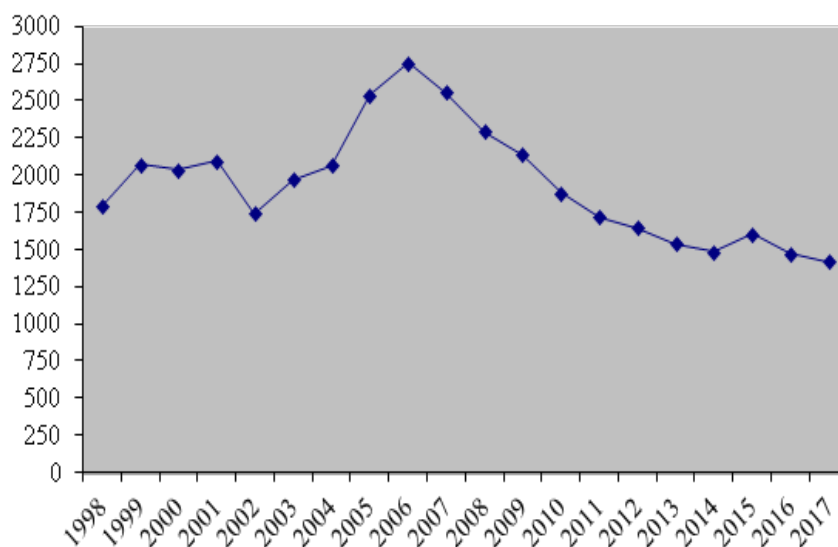
спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации, которая в значительной мере проходит в латентной форме.

Впрочем, на поверхности явления, согласно официальной статистике, все выглядит вполне пристойно.

В российском социуме не первый год, начиная с 2006, происходит существенное снижение регистрируемой преступности.

Многие криминологи полагают, что преступность отреагировала на позитивные изменения уголовного законодательства в контексте декриминализации и депенализации отдельных социально неопасных составов преступлений.

¹Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: утверждена приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19.

Динамика коэффициентов преступности в России в 1998–2017 гг.

60 Действительно, в Уголовный кодекс РФ было внесено большое количество новелл, которые усилили общепрофилактическое действие уголовного закона, повлияли на изменения качественных и количественных характеристик преступности.

В ряду позитивных общероссийских трендов очевидны: снижение доли насильственных преступлений и, прежде всего, убийств и снижение показателей преступности несовершеннолетних и молодежи.

С формальной точки зрения этот оптимистичный факт можно объяснить рестриктивным потенциалом Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ограничительные меры по недопущению нахождения (пребывания) несовершеннолетних лиц в общественных местах без сопровождения родителей (в возрасте от 7 до 14 лет с 21 часа до 6 часов; от 14 до 18 лет с 22 часов до 6 часов) и другие профилактические практики, институализированные в зако-

не, несомненно, дают социальный эффект. Позитивными являются и рестриктивные меры, связанные с возрастными и временными ограничениями продаж алкогольных напитков. Работает на конечный результат и административный запрет на реализацию алкоголя возле детских, образовательных, медицинских организаций, физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, в местах проведения культурно-массовых мероприятий.

Немаловажную роль играет и реформа органов внутренних дел, начиная с 2012 года. Согласно опросам общественного мнения, стал расти рейтинг доверия к органам полиции на местах. А это во многом заслуга таких служб, как участковые инспектора полиции, сотрудники инспекции по делам несовершеннолетних и другие службы, работающие в тесном контакте с населением. Так, по оптимистичным данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень доверия к сотрудникам полиции своего региона вырос с 2013 по 2016 годы и составил 47%¹.

¹Работа полиции: доверие и оценки. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.06.2018).

Однако с преступностью и девиантностью подростков и молодежи не все так просто. Не будем забывать, что современные молодые люди из возрастной группы 14 – 18 лет – это миллениалы – дети, рожденные на рубеже третьего тысячелетия и вступившие в пору взросления в нулевые и последующие за ними годы. Их численность меньше, поскольку они – продукт демографического провала. Но не это главное в характеристике поколения миллениалов.

С моей точки зрения, главной отличительной особенностью современной молодежи и в городах и на периферии является ее повальная вовлеченность в мир новых технологических возможностей, которые открыли третья и четвертая технологические революции. Миллениалов за рубежом называют поколением Е-ман, то есть людьми электронной эры. Да, действительно, в виртуальном мире электронных симуляций проходит значительная часть жизни современных людей, но, прежде всего, это справедливо в отношении миллениалов, которые в значительно большей мере, по сравнению с другими возрастными группами, удовлетворяют свои потребности в общении, в шопинге, в работе и удовольствиях, и даже в девиантности с помощью смарт-девайсов и сетевого взаимодействия.

Риску предположить, что наряду с конформизмом в виртуальном мире быстро распространяются различные формы девиантной активности, в том числе и преступности, риски наказания за которую минимальны в силу консерватизма дистрибутивного по сути уголовного права и практик его применения. В киберпространстве практически не работает принцип неотвратимости наказания. Криминальная активность не может нигде исчезнуть согласно Э.Дюркгейму, поскольку она функциональна. Она просто меняет форму под воздействием технологических сдвигов, трансформируется, уходя в киберпространство.

Этот взгляд на проблему трансформации или «ухода из поля зрения» де-

виантности и преступности в высокотехнологичную эру, где с каждым годом по экспоненте нарастает скорость социальных и технологических изменений, отчасти подкрепляют и эмпирические исследования моих собратьев по научному цеху, работающих в предметном поле экономической социологии. Так, недавние публикации (например, «Миллениалы на фоне предшествующих поколений») и выступления профессора В.В. Радаева показали, что миллениалы существенно отличаются от других поколений молодежи по ценностным ориентациям (существенно менее религиозны, несмотря на некоторый ренессанс клерикализма в постсоветском социуме, и более других возрастных групп удовлетворены жизнью) [1]. Многие представители поколения миллениалов предпочитают традиционным молодежным тусовкам общение в чатах и блогосфере. Кроме того, они отличаются специфическим потребительским поведением. Объяснение выявленным эмпирическим фактам В.В. Радаев дает исходя из того, что мы живем в эпоху социального перелома, вызванного не столько политическими или экономическими преобразованиями, а скорее сменой поколений.

В частности, эконом-социологи обращают внимание на резкое снижение алкоголизации в этой возрастной группе – на 25%. Потребление спиртных напитков среди миллениалов – минимальное по сравнению с предыдущими поколениями молодежи (мобилизационного или послевоенного, поколения оттепели 60-х, поколения эпохи брежневского застоя и пореформенного поколения 90-х годов прошлого века).

Со своей стороны я бы добавил, что поколение миллениалов вместо алкогольных привычек отличается другой формой зависимого поведения – смартфон-аддикцией. Так, исследования Бэйлорского университета показали, что у многих современных студентов формируются смартфон-аддикции. Они используют свой гламурный «чудо-телефон» от 8 до 10 часов в течение суток. В среднем

около 94,6 минут уходит на набор текстовых сообщений, 48,5 минут на отправку и просмотр электронной почты, 38,6 минут на общение в социальных сетях, 34,4 минуты на посещение сайтов Интернета, 26,9 минут на прослушивание музыки. При этом 60% опрошенных студентов не скрывают, что зависимы от своих мобильных устройств. Смартфон-аддикция – это новый тип современной высокотехнологичной девиантности [2]. Появление и массовое распространение смартфон-аддикций позволило Всемирной организации здравоохранения в 2018 году выделить эту группу в самостоятельный вид социальных заболеваний.

High-tech-эпоха порождает новых девиантов и новые формы девиантности. Среди тех, кто «продвинут» в освоении технических новшеств, немало инноваторов, совершающих безнаказанно высокотехнологические и весьма доходные преступления. Так, незаконный доход среднего киберпреступника в современном Нью-Йорке, по данным полиции, в семь раз превышает добычу обычного уголовника. Раскрываемость традиционных преступлений в этом мегаполисе составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений — 4% [3]. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и малорискованная криминальная деятельность.

Велик и постоянно растет ущерб от киберпреступлений. Так, Федеральное управление уголовной полиции Германии зарегистрировало около 60 000 киберинцидентов в 2010 году. Совокупный ущерб от сетевых киберпреступников в этой стране с одной из самых развитых экономик мира составил в указанный период, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [4]. В 2018 году на Всемирном экономическом форуме было признано, что киберпреступность является одним из наиболее критических глобальных рисков. По оценкам экспертов, ежегодные потери мировой экономики в результате действий киберпреступников в настоящее время могут достигать 500 миллиардов долла-

ров. Для сравнения: годовой внутренний валовой продукт Швейцарии в 2017 году оценивался в 659 миллиардов долларов.

Собранный и обработанный автором с помощью метода контент-анализа в иностранных и отечественных источниках материал на основе типологизации позволяет выделить и структурировать известные и новые виды кибердевиантности, в авангарде освоения которых идет поколение миллениалов.

Основные результаты анализа состоят в следующих обобщениях.

1. Понятие «киберпреступность» как разновидность девиантности включает различные формы преступной активности не только в связи с использованием компьютеров или в компьютерной сфере, но и деликты, совершаемые в киберпространстве, благодаря повсеместному использованию Интернета, умных мобильных устройств и новых технологий в повседневной жизни людей.

2. Киберпреступность принимает много форм. Она включает хищение идентификационных данных, интернет-мошенничество, нарушение законов об авторском праве, «взламывание» компьютерных систем, создание и распространение полиморфных вирусов и DDoS-атаки, распространение спама, фишинг, создание порнографических сайтов с сексуальным насилием против несовершеннолетних, киберсталкерство, кибербуллинг и другие.

Типологизация киберпреступлений. Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд констатаций и обобщений, характеризующих многообразные проявления современной киберпреступности:

а) криминальная активность в интернет-торговле. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат — явное следствие незаконного доступа

преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний;

б) киберворовство как похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов — еще один путь к нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в уже в 1996 году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования программных продуктов. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [5];

в) киберворовство как похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека. Современные киберпреступники могут обнулить банковские счета, стереть содержание компьютерных серверов. До настоящего времени нет компьютерной системы, которую невозможно было бы взломать;

г) киберхулиганство. Уничтожение или изменение частных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесоном с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро- или полиморфных вирусов) получило массовое распространение;

д) киберсталкерство. В отечественной литературе, кроме работ Я.И. Гилинского, практически нет упоминаний о новых девиантах-киберсталкерах (stalkers — упорные преследователи, «охотники»), в отличие от публикаций зарубежных психиатров и криминологов [6]. Речь идет о девиантах, преследующих кого-либо с использованием различных, в том числе современных технологических средств, прежде всего, сети Интернет и сотовой связи. Потенциальными и реальными жертвами сталкеров могут быть некогда близкие люди (бывшая жена, бывший муж, дети, родители, бывшие друзья), а также сослуживцы, коллеги по профессии. Нередко это явление рассматривают как результат психических расстройств. Суть сталкерства определяется как постоянное преследование жертвы, вызванное местью, ревностью, завистью с помощью современных технологий, коммуникативных средств и иных приемов с целью вызвать у нее чувство страха. В прежние времена сталкеры пользовались слежкой, почтовыми отправлениями, прессой. Арсенал современного сталкера включает интернет-ресурсы, телефонные звонки, СМС-сообщения, звонки и сообщения с помощью Skype, обычные и электронные письма, граффити, сообщения в

печатных и электронных СМИ. Сталкер может постоянно напоминать о себе в сетевом общении, с помощью электронной почты. Он может приблизиться к жертве, или обозначить свое присутствие, или следовать за ней, или держать ее дом под видеонаблюдением с размещением информации в e-mail отправлениях. Преследование может проявляться и как заказ товаров от имени жертвы в интернет-магазине, отправка незапрашиваемых материалов, инициирование поддельных судебных исков (Маллен, 1999). Преследование нарушает частную жизнь жертвы и вызывает у нее непреодолимый страх перед насилием. Такие страхи оправданны, поскольку угрозы, материальный ущерб и нападения происходят слишком часто в процессе преследования. По данным зарубежных исследователей, жертвами сталкеров являются от 1 до 2 % женщин. Физическое насилие происходит приблизительно в каждом третьем случае.

Новой разновидностью киберсталкерства стал кибербуллинг, обращенный, как правило, к детям и незащищенным социальным группам. Он осуществляется в форме травли, оскорблений или угроз, распространяемых путем рассылки сообщений в социальных сетях, по e-mail или СМС. Любое унижающее, оскорбительное или угрожающее сообщение, отправленное в электронной форме, является кибербуллингом. Кибербуллинг – один из самых губительных типов онлайн-атак. С широким вовлечением детей и подростков в виртуальный мир социальных сетей и смартфонов быстро распространился этот новый вид высокотехнологичного социального насилия. В детской среде кибербуллинг проявляется в отправке жертве сообщений с угрозами публикации унижающих достоинство жертвы фотографий и видео в социальных сетях или даже в создании поддельных веб-сайтов, нацеленных на унижение и оскорбление жертвы. Информационные технологии позволяют сохранить анонимность кибербуллеру и вытекающую из этого без-

наказанность. Дети – получатели сообщений не могут определить, кто является источником их мучений, боятся мести за привлечение к проблеме родителей и учителей. Отсюда абсолютно каждый юный владелец смартфона или планшета, использующий Twitter, WhatsApp, Snapchat, Facebook, YouTube или любую другую программу, создающую социальную сеть, может стать мишенью для кибербуллинга. Последствия же кибербуллинга нередко имеют печальный психологический или даже фатальный исход в форме суицида;

е) киберпреступления на транспорте. Специальные программы хакеров могут способствовать краже или поломке автомобиля, поскольку современная машина во многом работает под управлением бортового компьютера. Автомобиль второго десятилетия XXI века, сошедший с конвейера, имеет более 200 микрочипов. Бортовой компьютер посредством программного обеспечения контролирует радиоприемник, GPS, подушки безопасности, систему круиз-контроля, спидометр. По заданию хакера он может быть взломан с преступной целью;

ж) телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к сотовому телефону практикуется не один десяток лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время широко используются взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности телефонных фрикеров.

Фрикер-воровство и мошенничество стало острой проблемой в современной России в связи с массовым распространением смартфонов на платформе Андроид. Фрикеры заражают смартфоны

специальными программами и списывают деньги с банковских счетов своих жертв, поскольку в памяти смартфонов хранятся множество важных личных данных: от баланса банковской карты до паролей и логинов;

з) кибермошенничество в банковской сфере. Преступники пользуются тремя основными приемами хищений при использовании интернет-банкинга. Первый способ осуществляется с помощью СМС-банкинга. Вирусная программа в этом случае перехватывает все СМС, приходящие на мобильный телефон. Затем преступник переводит денежные средства себе на счет с помощью программы «Мобильный банк». При этом хозяин смартфона не получает уведомлений о том, что с его счета в банке списана сумма. Обычно это мелкие и средние хищения.

65

Второй способ – использование кибермошенниками фишинговых сайтов. При использовании фишинга клиент банка может быть введен в заблуждение с помощью муляжа web-сайта банка. Псевдосайт практически не отличается от оригинала. Он разработан так, чтобы выманить личные регистрационные данные, с помощью которых осуществляется доступ к счетам и финансовым средствам. Например, одна из наиболее опасных кибератак этого типа может выглядеть следующим образом.

Фишер, воспользовавшись широкодоступными базами web-адресов, рассылает сообщение, в котором под благовидным предлогом предлагается подтвердить клиенту банка ту или иную персональную информацию. Подтверждение данных делается по гиперссылке, через которую якобы иницируется соответствующий диалоговый интерфейс. На экран компьютера клиента при этом выводится изображение, идентичное тому, которое воспроизводится при работе с кредитной организацией через интернет-браузер. Однако адресная строка, которую видит клиент, представляет собой фальшивый элемент изображе-

ния. Он формируется при помощи JavaScript и накладывается на изображение настоящей адресной строки, в которой теперь стоит (но не виден) адрес сайта фишера, с которым реально имеет дело клиент. Для убедительности в адресной строке преступником имитируется наличие защищенного соединения (https://), на изображении присутствует программная кнопка «Переход» («Go»), а в фальшивой адресной строке при желании можно впечатать настоящий адрес банка. Клиент, ничего не подозревая, вводит свой логин и пароль, а преступник, получая эти данные, переводит деньги на свой счет. Это лишь один из немногих недавно изобретенных вариантов кибермошенничества. По статистике, на эту уловку попадают примерно 5% клиентов интернет-банкинга.

В третьем случае фризеры используют Google Play. Поддельное окно появляется каждый раз, когда держатель мобильного телефона заходит в это популярное приложение и там же он указывает данные своей карты в случае интернет-покупки приглянувшейся программы. Практически во всех указанных случаях киберворы и мошенники остаются безнаказанными.

65

3.Современные зарубежные исследователи киберпреступности в рамках интегративного междисциплинарного подхода все больше концентрируются на изучении ряда новых криминальных проблем:

- использования инновационных технологий хранения данных в киберпространстве (например, при хищении криптовалюты);
- влияния распространения социальных сетей на киберпреступность;
- использования сетевого фактора в кибертерроризме;
- изучении поведения жертв и преступников в киберпространстве;
- разработке политики и инструментов по обеспечению кибербезопасности;
- защите инфраструктуры от киберпреступности¹.

4. Для защиты глобального киберпространства в Давосе в 2018 году было заявлено о создании Глобального центра кибербезопасности, целью которого является учреждение первой международной платформы для правительств, компаний, специалистов и правоохранительных органов, предназначенной для сотрудничества по преодолению проблем кибербезопасности².

Таким образом, в эпоху постмодерна в мире high-tech технологий носители криминального поведения, в том числе из числа миллениалов, изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Сами

кибердевианты и их незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразны, как и сами технологии, а обеспечение кибербезопасности имеет сегодня характер глобальной проблемы. Отсюда напрашивается поиск и новых форм реакции полицейских сил на высокотехнологичные вызовы, связанные с правонарушениями в киберпространстве, найти которые может позволить модернизация полицейского образования. Пришло время открытия новых полицейских специальностей, в ряду которых термин «киберполицейский» звучит вполне актуально и современно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. URL: <http://www.theoryandpractice.ru/videos/1255-vadim-radaev-millennialy-na-fone-predshestvuyushchikh-pokoleniy>
2. Комлев Ю.Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник КЮИ МВД России. 2018. № 1.
3. Goodman M. Future Crimes: Everything is Connected, Everyone is Vulnerable, and What We Can Do About It. Doubleday, 2015.
4. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Алеф-Пресс, 2012.
5. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.
6. Meloy J.R. The Psychology of Stalking. In: The Psychology of Stalking: Clinical and Forensic Perspectives. San Diego: Academic Press, 1998.

Комлев Юрий Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

e-mail: levkom@list.ru

© Комлев Ю.Ю., 2018

Статья получена: 28.06.2018. Статья принята к публикации: 28.07.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

¹Cybercrime: interdisciplinary approaches to cutting crime and victimisation in cyber space. URL: <http://www.newworldencyclopedia.org/entry/Cybercrime> (дата обращения: 20.06.2018).

²ВЭФ анонсировал создание Глобального центра кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru/news/491033.php> (дата обращения: 20.06.2018).

Максуров А.А.

ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОБ АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЯХ ИТАЛИИ

PROBLEMS OF COORDINATION IN THE CONSTITUTIONAL LEGISLATION ON THE AUTONOMOUS AREAS OF ITALY

В статье рассматриваются проблемы закрепления координационных норм в конституционных актах о зависимых территориях стран Европы. Материал представляет интерес в качестве позитивного зарубежного опыта и возможности его использования в России.

Ключевые слова: координация, конституционные нормы, международное сотрудничество, информация, согласование, полномочия

The article deals with the problems of fixing coordination norms in the constitution of one of the countries of Europe. The material is of interest as a positive foreign experience and the possibility of its use in Russia.

Keywords: coordination, constitutional norms, international cooperation, information, authorization

Для цитирования: Максуров А.А. Проблемы координации в конституционном законодательстве об автономных областях Италии// Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 67-72. DOI: 10.24420/KUI.2018.84.99.004

For citation: Maksurov A.A. Problems of Coordination in the Constitutional Legislation on the Autonomous Areas of Italy// Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 67-72. DOI: 10.24420/KUI.2018.84.99.004

Проблематика обеспечения межведомственного взаимодействия (координации) органов государственной власти между собой и с любыми иными субъектами права при противодействии внутренним и внешним угрозам безопасности сегодня особо актуальна и значима.

В связи с этим может быть особо полезен и интересен зарубежный опыт, в том числе опыт конституционного законодателя стран Европы, по фиксации и реализации норм координационного характера.

Такого рода нормы позволяют, как мы полагаем, обеспечить согласованное государственно-властное взаимодействие различных субъектов национальной правовой системы, снять имеющуюся в различных конкретных жизненных ситуациях

правовую неопределенность и создать некую преграду для конкретных коррупционных проявлений, лишая их тем самым такой изначальной возможности.

Методологической основой настоящей работы выступил метод сравнительного правоведения. Сравнительный метод широко применяется в научной практике, поскольку именно благодаря ему выделяются сущностные, имманентные признаки первоначально «закрытого» для исследователя явления [1, р.101]. Обычно в отношении права указанный метод заключается в анализе и сравнении правовых норм и их общностей (институтов, отраслей и систем) [2, р. 203].

Благодаря методике сравнительного правоведения можно получить новое зна-

ние («прирастить знание») исходя из того же первоначального исследовательского материала, поскольку появляется возможность по-новому взглянуть на предмет [3, р.241-256]. Сам смысл указанного метода состоит в одновременном последовательном изучении генезиса правового регулирования в различных правовых системах по общему предмету исследования [4, р. 87]. Сегодня для сравнительного правоведения повсеместно включен «зеленый свет», что объясняется процессом глобализации, объективно приводящим к взаимопроникновению и взаимовлиянию национальных правовых систем [5, р. 76].

По мнению ученых, было бы большой ошибкой при разработке конституционного законодательства не использовать имеющийся опыт иностранных правовых систем, особенно близких нам стран романо-германской правовой семьи, в том числе, Италии [6, р. 108].

Применяя метод сравнительного правоведения, мы можем исследовать проблематику фиксации и реализации норм о координации в конституционном праве европейских стран.

По результатам исследования и опираясь на труды других авторов, мы пришли к выводу, что в настоящее время категория «координация» общеупотребима и востребована как юридическая категория национальных правовых систем стран Европы, поскольку потребность в координации, в том числе на конституционном уровне, имеется объективно: именно таким путем снимаются противоречия в деятельности органов власти и их должностных лиц. В то же время общепризнанным негативным фактором является смешение категории координации с понятием «взаимодействие» [7, р. 191]. К сожалению, ошибки такого рода мы обнаружили в законодательстве каждой европейской страны, что свидетельствует, прежде всего, о слабости научной доктрины той же Италии [8, р. 210]. Указанное отрицательным образом влияет на уровень правовой охраны общественных отношений [9,

р. 44-47]. По мнению отдельных авторов, критерий отличия здесь очевиден: при взаимодействии не возникают властные полномочия одного из субъектов (координатора) в отношении другого, они остаются равными [10, р. 123].

Несмотря на указанное, на практике координация и взаимодействие выдаются «одно за другое», что мы можем увидеть, например, в конституционном законодательстве Италии, да и в конституционном законе иных европейских стран. Не способствует стабильности ситуации практика необоснованного наделения отдельных органов власти координационными полномочиями, а затем такое же необоснованное лишение их указанных полномочий, что характерно в особенности для стран Южной Европы – стран с пока еще не полностью устоявшейся после Второй мировой войны правовой доктриной [11, р. 102].

Есть существенные проблемы создания юридических конструкций в сфере координации и в связи с необоснованным тождеством между координацией и интеграцией, координацией и кооперацией, что особенно характерно для стран Южной Европы, включая Италию.

Очевидно однако, что при кооперации вновь, как и при процессах взаимодействия, нет и не может быть признака властности, который обязателен для любого координационного процесса [12, р.98], и это главное различие.

Тем не менее, сложнее ситуация с интеграцией, так как интеграционные процессы далеко не так формализованы и очевидны [13, р.301]. То же самое можно сказать и касаясь отдельных форм реализации интеграционного процесса [14, р.267-291]. Здесь основное различие, видимо, состоит в конечной цели процесса, то есть интеграция как движение может быть скоординированной, но не это главная ее цель [15, р.92].

Мы полагаем, что в указанной части вполне возможно учитывать зарубежный опыт, например, опыт применения координационной юридической технологии

в указанной сфере в странах Европы, в частности, в конституционных нормах автономных областей Италии.

Сознавая все фундаментальные различия между государственным устройством Российской Федерации как федеративного государства и Итальянской Республики как государства унитарного мы ни в коей мере не предлагаем осуществлять аналогию законодательства в указанной сфере и перенос конституционных норм из одной правовой системы в другую.

Наш интерес вызван исключительно сбором, обобщением и анализом информации о различных видах (формах, способах и т.п.) координационной юридической технологии, применяемых в развитых странах, то есть задачами теории права, а не проблематикой конституционного или государственного российского права.

69

В силу статьи 21 Закона № 346 от 23 мая 1971 года «Об утверждении Статута области Лацио в соответствии со второй частью статьи 123 Конституции»¹ к полномочиям Председателя Областной джунты относится координация деятельности ее учреждений на местах. Данные учреждения не относятся к органам местного самоуправления, поэтому координация деятельности подчиненных органов вполне правомерна независимо от вида самого государственного устройства Италии, поскольку действует принцип о том, кто управляет, тот и координирует управляемых независимо от формы государственного устройства.

Данная норма вполне применима и в российских условиях в региональном законодательстве без какого-либо вторжения в прерогативы местного самоуправления.

В соответствии с частью 2 статьи 41 того же Закона область координирует деятельность областных учреждений на местах.

Мы полагаем, что такого рода норма вполне возможна и в российской практике, но, как и в данном случае, исключительно для решения задач выравнивания территориального, экономического и социального развития местных сообществ и без координации действия муниципальных органов власти.

Здесь опять-таки не имеет значения, каким является государство: федеративным или унитарным, поскольку принципиальная возможность координировать деятельность учреждений и органов власти, которыми управляешь, не зависит от такого рода аспектов.

На основании части 4 статьи 42 Закона, координационные полномочия Совета и Джунты устанавливаются непосредственно в областных законах, что очень важно и вполне применимо в российской практике, поскольку придание той или иной степени властности полномочий какому-либо органу или его должностному лицу в отношении иного органа власти (должностного лица) на подзаконном уровне недопустимо.

69

Субъекты Российской Федерации вправе устанавливать в собственном законодательстве координационные полномочия органов государственной власти субъектов Федерации в отношении собственных подразделений на местах.

Согласно части 2 статьи 43 Закона, координационный орган должен находиться в столице Области, откуда и должен координировать деятельность своих децентрализованных отделений.

Такое положение в случае установления его субъектами Федерации никак не противоречит российскому законодательству и вполне возможно и в данном конкретном случае.

В этой ситуации может идти речь о контроле за законностью правовых актов Коммун и других местных учреждений, что вполне возможно внедрить и в

¹ Об утверждении Статута области Лацио в соответствии со второй частью статьи 123 Конституции: Закон Итальянской Республики № 346 от 23 мая 1971 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=284> (дата обращения: 20.03.2018).

российскую практику, где, по сути, только прокуратура занимается надзором за законностью актов органов местного самоуправления, а региональный контроль по этому вопросу ослаблен. Такого рода контроль может заключаться в оценке законности правовых актов и направлении, в случае признания его незаконным, обращений в ту же прокуратуру. В соответствии с законодательством о местном самоуправлении и принципами его осуществления контроль в данном случае не может быть основанием для какого-либо требования в отношении органов местного самоуправления.

Надо отметить, что такая деятельность уже осуществляется региональной властью в отношении местного самоуправления и в России, однако мы предлагаем ее расширить за счет обязательного участия региональных представителей в формулировке программ развития местного самоуправления в тех ситуациях, когда предусматривается вложение региональных ресурсов в реализацию данных программ.

Данное предложение возникло у нас попутно с исследованием координационных норм областей Итальянской Республики и никак не связано с оценкой ее законодательства.

Как это предусмотрено в частях 2 и 3 статьи 44 Закона, область координирует деятельность местных учреждений и публичных экономических служб областного масштаба. Указанное также не противоречит законодательству о местном самоуправлении Италии.

Это положение вполне возможно установить и в законодательстве российских регионов, так как они сами определяют то, каким образом им координировать деятельность подчиненных субъектов.

Интересное требование по структуре региональных органов власти, которое вполне может быть заимствовано и российским законодателем, содержится в

части 2 статьи 48 Закона: структура областных учреждений должна способствовать координации деятельности местных органов власти.

Ничто не противоречит возможности установления указанного подхода и на уровне регионального законодательства субъектов РФ: в нем власти субъектов РФ вправе установить такое пожелание/требование. В какой-либо связи с различием государственного устройства России и Италии данное положение не состоит.

На основании части 1 статьи 87 Сводного текста конституционных законов о специальном Статуте Трентино-Альто Адидже, утвержденного Декретом Президента Республики № 670 от 31 августа 1972 года¹, на территории Области создается должность Правительственного комиссара Провинции Тренто и Правительственного комиссара Провинции Больцано, который и занимается вопросами координации.

Российская Федерация уже сегодня имеет институт представителя Президента РФ в федеральном округе, главных инспекторов (инспекторов) в субъектах Федерации, однако такого рода полномочиями указанные лица в России не обладают и их наделение указанными полномочиями вряд ли возможно вследствие различия в государственном устройстве России и Италии, что не относится к тематике настоящей работы и не вызывает особого научного или практического интереса в теории права, хотя, возможно, может быть исследованием в отраслевых дисциплинах, том же конституционном праве России, например.

В соответствии с частью 2 статьи 15 Сводного текста конституционных законов провинции ассигнованные из государственного бюджета суммы расходуются по согласованию между государством и провинцией.

Это – важнейший признак бюджетной децентрализации, который пока еще не

¹ Сводный текст конституционных законов о специальном Статуте Трентино-Альто Адидже, утвержденный Декретом Президента Итальянской Республики № 670 от 31 августа 1972 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=285> (дата обращения: 20.03.2018).

применяется в России, но вполне способен к применению: действительно, если федеральные средства расходуются в регионе на нужды региона, то необходимо установить законодательное правило о том, что такого рода расходы должны согласовываться с регионом, а не производится априори, исходя из планов только лишь самой Федерации.

Следует отметить, что такая практика в виде обсуждения, консультаций, применяется в России и сегодня, однако именно как практика в отдельных случаях; она может и должна быть формализована с учетом, разумеется, различий между государственным устройством России и Италии, иных конституционно-правовых принципов и требований.

Согласно части 7 статьи 19 Сводного текста конституционных законов провинции, Министерство народного образования Республики Италия согласовывает с Провинцией Больцано назначаемых деятелей образования, что также может быть использовано и в России, где пока еще руководители, например, высших учебных заведений в регионах, относящиеся к ведению Министерства образования РФ, назначаются федеральным центром без открытого обсуждения кандидатур в регионе.

На практике, как всем это известно, они согласовываются, в том числе, в виде писем глав исполнительной власти субъектов Федерации с просьбой поддержать или отклонить ту или иную кандидатуру, но законодательной регламентации этого процесса нет, все взаимодействие строится на обычаях делового служебного оборота.

Аналогичные примеры можно обнаружить и в Конституционном законе № 2 от 26 февраля 1948 года «О преобразовании Статута Сицилийской области в Конституционный закон»¹. Наверное, особого смысла приводить примеры из данного акта нет: нормы, по сути своей, аналогичны.

¹О преобразовании Статута Сицилийской области в Конституционный закон: Конституционный закон Итальянской Республики № 2 от 26 февраля 1948 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=286> (дата обращения: 20.03.2018).

Для нас очевидно то обстоятельство, что во всех трех автономных субъектах Итальянской Республики механизм координационного регулирования сводится, главным образом, к «нормам о согласии».

Таким образом, указанное может быть полезно и для отечественного законодательства в части совершенствования закрепления отдельных компонентов координационной юридической технологии, с учетом как достоинств, так и недостатков рассмотренного механизма координационного регулирования.

В частности, явно целесообразно расширить сферы согласования и координации, что представляется объективно необходимым.

На федеральном уровне, например, давно необходимо уточнение состава органов государственной власти, участвующих в координационном процессе, например, за счет подробной законодательной регламентации деятельности таких органов власти как Государственный Совет Российской Федерации или Совет Безопасности Российской Федерации, в том числе, путем включения норм о координационных полномочиях данных органов в конституционные акты.

Следует конкретизировать имеющиеся координационные полномочия органов власти и их должностных лиц (Правительства Российской Федерации, Президента Российской Федерации и проч.).

Возможно установление, хотя бы в самом общем виде, форм координации и принципов осуществления координационного процесса.

Данные предложения являются способом совершенствования координационной юридической технологии; они никак не связаны с возможностью перенесения тех или иных координационных норм из конституционного законодатель-

ства Итальянской Республики или ее областей в конституционное законодательство России или ее субъектов. Эти возможности и связанные с ними ограничения относятся, скорее, к сфере кон-

ституционного права, ни в коей мере не относятся к области научного интереса автора и должны быть глубоко и тщательно исследованы в рамках отдельной научной дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ansoff H. Igor Strategic Menegement. New York: Wiley, 2017. 142 p.
2. Aubert J.L. Introduction au droit. Paris, 2014. 238 p.
3. Bachrach, Baratz M. Power and Poverty. Theory and Practice. New York, London. Toronto, 2010. 341 p.
4. Drucker P. F. The Practice of Manadgement. New York, 2016. 252 p.
5. Fayol H. Administration industrielle et generaie. Paris, 2017. 315 p.
6. Lebreton G. Libertes publiques et droits. Paris, 2013. P. 117.
7. Kuhl J. Motivational and functional helplessness: The moderating effect of state versus action orientation // J. of Pers. and Soc. Psychology. 2011 V.40. 232 p.
8. Miscel W. Personality and assessment. New York, 2016. 144 p.
9. Paskovski M., Ellis-Simons P. Cheeking in at Checkerboard Square // Marceting and Media Dessisions. 2015. № 20. P. 44-47.
10. People and Performance. The Besi of Peter Drucker on Manadgement. New York. 2017. 118 p.
11. Pritt D. N. The apparatus of the law. Book 2. L., 2013. 381 p.
12. Rensis Likert New Patterns of Manadgement. New York, 2013. 181 p.
13. Taschenbuch fur Personalbeurteilung. Bonn, 2014. 238 p.
14. Weidlich. W. Stability and Cyclicity in Social System // Behavior Sciences. Vol.33. 2016. P. 241-256.
15. Weidlich. W. Synergetic Modelling Concepts for Sociodinamics with Applications to Collectiv Political Oppinion Formation // Jornal of Matematical Sociology. 2014. Vol.18. № 4. P. 267-291.

Максуров Алексей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, преподаватель Школы права Парижского университета (Сорбонна)

e-mail: maxurov78@yandex.ru

©Максуров А.А., 2018

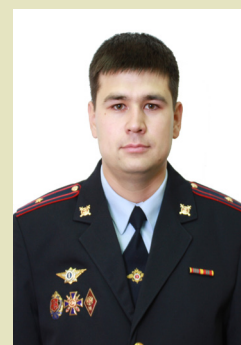
Статья получена: 02.06.2018. Статья принята к публикации: 02.07.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Тагиров З.И.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ДАННЫХ О ТЕРРОРИЗМЕ ЗА РУБЕЖОМ
(НА ПРИМЕРАХ ОТЧЕТОВ TE-SAT И GTI 2017 ГОДА)

INFORMATION ANALYSIS OF STRATEGIC DATA
ON TERRORISM ABROAD
(ON THE EXAMPLE OF REPORTS
OF TE-SAT AND GTI OF 2017)

В данной статье обзорно рассмотрены содержание и методика двух наиболее значимых и информативных публичных международных антитеррористических отчетов – the European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) и the Global Terrorism Index (GTI) – с целью возможного использования подобных методик в отечественной стратегической антитеррористической деятельности. Указанные отчеты используют методы математического анализа статистических данных, собранных и обработанных по научно обоснованным программам исследований. Наука о данных – неотъемлемая часть современной академической подготовки специалистов. Немаловажным для прикладного информационного анализа является графическая реализация массивов данных с географическими связями, что значительно отличает указанные доклады от традиционных.

Ключевые слова: отчет, данные, Европейский союз, контртеррор, антитеррор, Глобальный индекс терроризма, тренды

This article will review the content and methodology of the two most significant and informative public international antiterrorism reports - the European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) and the Global Terrorism Index (GTI) - with the goal of the possible use of such methods in the national strategic anti-terrorism activities. These reports use methods of mathematical analysis of statistical data collected and processed according to scientifically based research programs. Data science is an integral part of contemporary academic education. The graphical implementation of arrays of data with geographic links, which significantly distinguishes these reports from the traditional ones is important for applied information analysis.

Key words: report, data, European Union, counterterror, antiterror, Global Terrorism Index, trends

Для цитирования: Тагиров З.И. Информационный анализ стратегических данных о терроризме за рубежом (на примерах отчетов TE-SAT и GTI 2017 года) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 73-81. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.45.005

For citation: Tagirov Z.I. Information Analysis of Strategic data on Terrorism Abroad (on the Example of Reports of TE-SAT and GTI of 2017) // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 73-81. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.45.005

Эксперты в области противодействия терроризму, использующие в своих исследованиях риск-ориентированный подход, сходятся во мнении, что количество терактов и их тяжесть в ближайшие годы возрастут во всех «проблемных»

регионах планеты. В известной степени текущие глобальные террористические риски и угрозы связываются с искаженными радикальными течениями ислама (из-за количества жертв, сторонников, вооруженности и по другим критериям, что

не всегда связано с количеством терактов). В связи с этим современный международный терроризм в представлениях населения и в образах средств массовой информации зачастую ассоциируется с исламским фундаментализмом. Однако научный информационный анализ статистических данных о терроризме позволяет дифференцировать и структурировать данное явление, рассмотреть его во времени и в пространстве, глубже понять причины и условия его распространения, определить стратегические направления противодействия.

Актуальность настоящего исследования обусловлена развивающейся террористической активностью, как в государствах с устойчивыми вооруженными конфликтами, так и в относительно мирных регионах: новые данные о терактах поступают ежедневно из разных стран. Проблема терроризма, включенная в мировую повестку, также актуальна и для евразийских интеграционных образований с участием Российской Федерации. Однако изучение зарубежного опыта противодействия терроризму обнаруживает, что дискуссии по поводу этой дефиниции и международно-правовых основ борьбы данным явлением, по поводу списков террористических лиц и организаций являются частью геополитических процессов и с реальной борьбой с террористической преступностью не связаны [1, с. 27]. Борьба с терроризмом в устах политиков все чаще именуется «войной против терроризма», что превращает терроризм из нерегулярной практики политического воздействия в противостояние условных сторон, в третий вид вооруженного конфликта. При этом современная система поддержки международного гуманитарного права и права вооруженных конфликтов явно не способна оказывать влияние на противостоящие стороны. В современном мире альянсов политических интересов практически не осталось одновременно независимых и достаточно сильных

международных арбитров, способных нейтрализовывать вооруженно-террористические конфликты [2, с. 43], что ведет к высокой смертоносности терроризма, сопоставимого по количеству жертв с традиционными войнами.

В условиях современного условно-открытого международного пространства, широкой доступности информационно-телекоммуникационных ресурсов, с использованием которых на основе общих для людей ценностей формируются сетевые гуманитарные структуры, современный терроризм превратился из глобальной угрозы в международную глубоко законспирированную деструктивную социальную сеть, существующую параллельно с традиционной социальной структурой [3, с. 44].

Интересующая специалистов новизна обзора обусловлена необходимостью изучения ранее не описанных в отечественной научной литературе методик оценки терроризма как социального явления, используемых в международных антитеррористических отчетах TE-SAT и GTI. Данные методики основаны на анализе открытых или условно-открытых статистических данных, предоставляемых государствами или добываемых из открытых источников информации. Формирование подобных аналитических отчетов основано либо на государственной статистике (например, отчет Европола) или на информации из независимых баз данных (например, the Global Terrorism Database, GTD). Статистические данные о таком противоречивом явлении, как терроризм, являются беспристрастным источником знания и во взаимосвязи с иными социально-экономическими показателями могут помочь выявлять закономерности и зависимости, прогнозировать развитие этого явления. Корректным образом собранные и обработанные данные способны открывать новые подходы к решению проблем, которые они характеризуют. Также новизна исследования определяется со-

временным пониманием транснациональной организованной преступности и международного терроризма, исходящим из признания их сетевыми структурами, которые требуют выработки соответствующих сетевых методов правоохранительного противодействия. Это делает невозможным борьбу с терроризмом на территории только одной страны или одного региона и предполагает широкое сетевое согласование (координацию) антитеррористической деятельности правоохранительными органами различных стран с международными правоохранительными организациями (кооперацию).

Практическое значение данного обзора заключается в демонстрации возможностей научного анализа статистических данных о терроризме при условии раскрытия их всеми заинтересованными государствами, соблюдения единых научно-обоснованных методик сбора и обработки таких данных. Применение методов информационного анализа данных о терроризме (типологии, хронологии, географии и т.п.) при сочетании с различными социально-экономическими показателями (количество жертв, ущерб, косвенные убытки, данные о миграции, занятости, уровне жизни и т.п.) способно устанавливать его истинные причины, формировать новые прогностические данные и совершенствовать практику противодействия. Для этого необходимо формировать социально-экономические информационные модели террористических и экстремистских явлений, применять к ним методы математического анализа [4].

Изучение зарубежного опыта противодействия терроризму представляет для отечественных правоохранительных органов научно-прикладной интерес, прежде всего, с позиции сравнительного исследования для кри-

тического анализа методов и моделей антитеррористической деятельности. Опыт западных стран по противодействию терроризму во многом отличается от отечественного и привлекает внимание в связи с высоким уровнем террористической активности в западном обществе.

Хотя однозначного единообразного нормативного закрепления понятия террористического акта в мире в настоящее время нет, для достоверных исследований при помощи информационного анализа это не является серьезным препятствием. Состав преступного терроризма, как правило, относительно стабилен в пространстве отдельных суверенных государств. Поэтому наиболее надежным методом в информационном анализе является не сравнение объектов исследования между собой (в пространстве), а сравнение с самим собой (во времени). Например, при квалификации конкретного факта в качестве теракта в западных странах определяющим фактором является субъективная сторона деяния – цели устрашения населения и воздействия на органы власти. Поэтому неоднородная международная криминализация различных способов совершения теракта для объективности транснационального исследования не критична: малозначительный теракт, не получивший огласки среди населения, на социальное явление терроризма в международном масштабе значимого влияния не оказывает, так как не достигает истинных целей – устрашения.

Традиционно во II квартале календарного года на сайте Агентства Евросоюза по правоохранительной кооперации (Европол) публикуется The European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT)¹. Очередной (десятый) ежегодный аналитический доклад TE-SAT был опубликован 15 июня 2017

¹Сайт Агентства Евросоюза по правоохранительной кооперации (Европол) в сети Интернет. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/eu-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2017> (дата обращения: 05.06.2018).

года¹. Антитеррористический отчет Евросоюза гласит, что в 8 из 28 стран этого межгосударственного образования в 2016 году произошло в совокупности 142 теракта (учтены и совершенные, и пресеченные), 1002 человека арестовано, 142 человека погибло, 379 – ранено.

Доклад The Global Terrorism Index (GTI) традиционно публикуется в ноябре на сайте международного Института экономики и мира². Последний (семнадцатый) доклад сформирован на основе уникального многолетнего непрерывного исследования террористических проявлений по всему миру³. По данным GTI, в 2016 году в результате терактов погибли 25673 человека, 94% – в странах Ближнего Востока и Северной Африки, регионе Мена (южнее Сахары) и Южной Азии. Уменьшилось количество терактов в самых проблемных регионах. Но количество стран, хотя бы раз за год столкнувшихся со смертельным терактом, увеличилось с 65 до 77, что сигнализирует об опасных тенденциях роста террористических угроз в большем количестве стран. В 2016 году 106 стран (против 95 в 2015 году) подверглись хотя бы одному теракту. Глобальный индекс терроризма, рассчитываемый на основе связи данных о терактах с различными социально-экономическими показателями, в 2016 году снизился на 4%, хотя террористические риски и угрозы по всему миру в целом возросли.

оценить время года, погодные условия, состояние грунта, что является определяющим фактором в привлечении дополнительных сил и средств.

После завершения всех необходимых следственных и иных процессуальных действий с трупом следует организовать его повторное захоронение, уделив от-

дельное внимание восстановлению первоначального вида могилы и прилегающей к ней территории.

Подводя итог, следует еще раз акцентировать внимание на тактико-психологических особенностях производства рассматриваемого следственного действия как на наиболее проблемных относительно применения процессуальных норм:

1. Определение неизбежной необходимости производства эксгумации с учетом анализов всей имеющейся информации и исследовательских возможностей.

2. Определение оптимального перечня участвующих лиц и их психологическая подготовка.

3. Своевременность проведения эксгумации.

4. Целесообразность проведения следственного действия от начала до конца одним следователем без передачи материалов уголовного дела другому следователю.

5. Сложный организационный характер эксгумации, сопряженный с сильным эмоциональным напряжением, характеризующийся комплексной деятельностью участвующих лиц, состоящей из действий следователя при его руководящей роли, судебно-медицинского эксперта, а также других специалистов, понятых, родственников, членов администрации места захоронения, рабочих кладбища и др.

Европол традиционно открыто публикует множество криминальных отчетов, а также отдельные доклады по наиболее актуальным правоохранительным проблемам. Например, доклады о современной террористической тактике боевиков с указанием на слабые стороны в европейской правоохранительной системе – «Changes in modus operandi

¹The European Union Terrorism Situation and Trend Report (TE-SAT) 2017. Hague: Europol, 2017. 62 p. ISBN 978-92-95200-79-1. DOI 10.2813/237471. URL: <https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/tesat2017.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

²Сайт международного Института экономики и мира в сети Интернет. URL: <http://economicsandpeace.org/reports/> (дата обращения: 05.06.2018).

³Global Terrorism Index 2017: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Sydney; N.Y.; L.: Institute for Economics and Peace, 2017. 120 p. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).

of Islamic State terrorist attacks»¹ с изменениями и дополнениями².

Особый интерес представляет классификация терроризма в странах Европейского союза, основанная на субъективных мотивах посягательств: исследователями и правоохранителями принято выделять терроризм национал-сепаратистский, праворадикальный, леворадикальный (в т.ч. анархистский), религиозно-радикальный (в т.ч. радикально-исламский или т.н. «джихадистский») и терроризм фанатиков-одиночек. Отдельно в западно-европейской статистической отчетности упоминаются факты нетипологизированного терроризма – когда по показаниям подозреваемых или преступному почерку не удалось установить предполагаемый мотив.

Почти все жертвы европейского терроризма и большинство раненых – результат террористических атак приверженцев

радикальных течений ислама (в интерпретации Европола – джихадистов). Взрывчатые вещества использовались только в 40% европейских терактов.

Почти все жертвы европейского терроризма и большинство раненых – результат террористических атак приверженцев радикальных течений ислама (в интерпретации Европола – джихадистов). Взрывчатые вещества использовались только в 40% европейских терактов. Большинство арестованных по делам о терроризме были связаны с радикальными исламистами (количество арестов – один из показателей оценки деятельности правоохранительных органов). Европейским контртеррористическим центром в составе Европола (создан в январе 2016 года) была оказана информационная поддержка 127 совместным транснациональным расследованиям уголовных дел о терроризме.

Страна	Радикально-исламский	Леворадикальный	Праворадикальный	Сепаратистский	Одиночный	Неопределенный	Всего
Бельгия	4	0	0	0	0	0	4
Франция	5	0	0	18	0	0	23
Германия	4	0	0	0	0	1	5
Греция	0	6	0	0	0	0	6
Италия	0	16	0	0	0	1	17
Нидерланды	0	0	1	0	0	0	1
Испания	0	5	0	5	0	0	10
Соед. Королев.	0	0	0	76	0	0	76
Итого	13	27	1	99	0	2	142

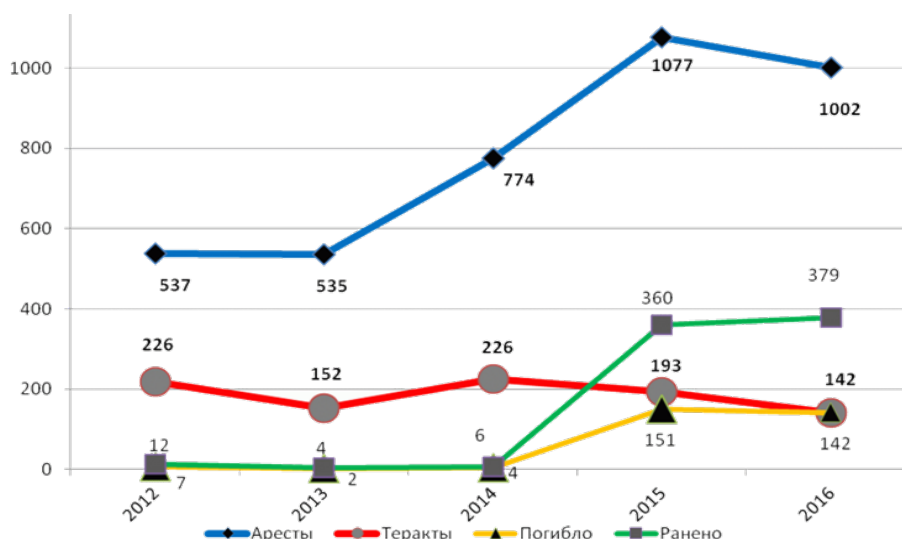
Таб.1. Обзор мотивов совершенных, замысленных и пресеченных терактов в 2016 году в странах-членах ЕС и за их пределами (в отношении граждан ЕС)

¹Изменения в методах террористических атак Исламского государства: публичный доклад Европейской полицейской организации. Гаага: Европол, 18 января 2016 года. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/publications/changes_in_modus_operandi_of_is_in_terrorist_attacks.pdf (дата обращения: 14.11.2016).

²Пересмотр террористической тактики Исламского государства: публичный доклад Европейской полицейской организации. Гаага: Европол, 2 декабря 2016 года. 14 с. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/modus_operandi_is_revisited.pdf (дата обращения: 02.12.2016).

Большинство атак, квалифицированных в Евросоюзе в качестве терактов, были совершены националистами и сепаратистами – 99 из 142. Количество нападений, совершенных экстремистами левого толка, растет третий год подряд: в 2016 году в Евросоюзе произошло 27 атак, из которых большинство (16 терактов) было совершено в Италии. Общее количество «джихадистских» террори-

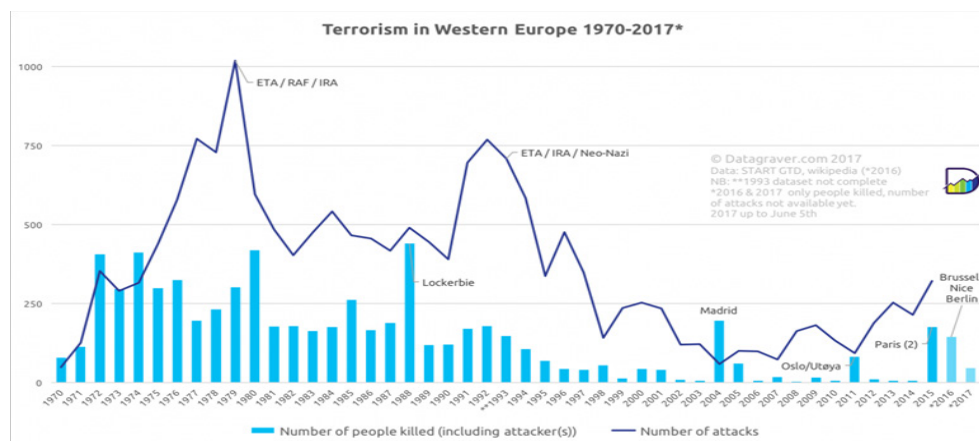
стических атак уменьшилось с 17 в 2015 году до 13 нападений в 2016 году. Из 13 исламских терактов только 6 напрямую были связаны с так называемым «Исламским государством» («ИГ» – террористическая организация, запрещенная в России и других странах). Вместе с тем именно 135 из 142 жертв терактов были убиты в результате тех самых 13 «джихадистских» атак [5, с. 16].

Диагр.1. Динамика терроризма в странах Европейского союза по отчетам TE-SAT за 2012–2016 гг.

В 2016 году в ЕС за террористические преступления было арестовано 1002 человека, большинство из которых были связаны с радикальным исламским терроризмом. Почти одна треть от общего числа арестованных (291 из 1002 человек) были младше 25

лет. Женщины, несовершеннолетние дети и молодежь все чаще начинают выполнять важные роли в радикальном исламском терроризме. Каждый четвертый из арестованных террористов в 2016 году оказался женского пола (в 2015 году – 18%).

Диагр.2. Динамика терроризма в странах Европейского союза по данным аналитической компании «Консорциум «START» (США) за 1970–2017 гг.

Отчет международного Института экономики и мира «Глобальный индекс терроризма» – The Global Terrorism Index (GTI).

Доклад GTI более информативен, методологически более совершенен и представляет данные о террористических преступлениях по всему миру. При этом страны в данном докладе группируются в различные информационные модели, например, по географическому или экономико-политическому принципам, используются также и традиционные основания связей (религиозные, культурные и пр.). Представленный в печатном виде, по своей структуре он подобен геоинформационной системе, наполнен большим количеством информационной графики. Цифровая модель данных о терроризме с добавлением в нее географических и временных параметров позволяет не только визуализировать информацию, но и информировать прогностические данные на основе методов математического анализа.

Например, исследованием GTI установлено, что современная группировка «ИГ», несмотря на медийный образ, является лишь четвертой в глобальном рейтинге террористических групп по численности причиненных смертей (с 1970 по 2016 годы). В настоящее время общее количество смертей по вине данной организации в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, 37 стран западного мира) составляет только 4,7%. Ирландские сепаратисты (ИРА) и баскские националисты (ЭТА) за этот же период убили более 2450 человек, что в странах ОЭСР составляет 26% от общей смертности от терроризма.

При изучении факторов терроризма GTI отмечает, что определяющими среди них остаются наличие вооруженных конфликтов, политические репрессии со стороны правительств и острая социальная напряженность. Анализ GTI показывает, что 99% всех смертей от терроризма за последние 17 лет про-

изошли в странах, которые либо находятся в вооруженном конфликте, либо имеют высокий уровень внутреннего политического террора. Политическим является террор со внесудебными казнями, пытками и тюремными заключениями без решения суда. Это подтверждает, что подавляющее большинство террористов используется их лидерами или в тактике действий в вооруженном конфликте, или против репрессивных политических режимов. Например, Египет и Турция зафиксировали значительно более высокий уровень терроризма после применения решительных мер реагирования к внутренним политическим оппонентам.

Отличительной особенностью доклада GTI является попытка построения социально-экономической модели терроризма и анализ соответствующих данных. Например, глобальные экономические последствия терроризма в 2016 году были немного ниже уровня 2015 года и стоили мировой экономике 84 млрд долл. Доклад GTI отмечает, что экономические последствия терроризма невелики по сравнению с иными видами вооруженных конфликтов. В процентном выражении – это всего лишь 1% от общего глобального экономического ущерба, вызванного вооруженными конфликтами, который в 2016 году был оценен в 14,3 трлн долларов.

В рассмотренных международных докладах по вопросам терроризма основу информационного анализа составляют статистические данные. При этом неоднородность криминализации данного явления в различных странах и различие подходов к квалификации террористических деяний не позволяют однозначно верифицировать данные и полностью доверять им. Очевидно, что отсутствие однозначного нормативного закрепления перечня преступлений террористической направленности характерно и для нашей страны [6, с.74].

Общим методом обоих отчетов является построение цифровых трендов

(тенденций) и их вербальное описание (в первых отчетах TE-SAT даже публиковалась графическая визуализация результатов математического метода анализа статистических данных). Прогнозирование тенденций терроризма позволяет своевременно корректировать антитеррористическую стратегию и принимать более эффективные управленческие решения на оперативном уровне. Например, анализ террористических целей GTI показал, что в 2016 году увеличились нападения на гражданских лиц на 17%, что может помочь национальным правительствам перераспределить усилия по борьбе с терроризмом.

Отсутствие четких международных стандартов в области содержания понятия терроризма (а не только отдельных его проявлений) делает затруднительным сбор данных для глобального и абсолютно объективного антитеррористического отчета (например, под эгидой ООН). Исследования международного терроризма сегодня зачастую опираются либо на разведывательные данные, либо на зарубежные данные из открытой печати, что придает антитеррористической статистике либо закрытый, либо фрагментарный характер.

Информационный анализ данных о терроризме в докладах TE-SAT и GTI свидетельствует, что их авторами, начиная с 2001 года, проводится значительная работа по сбору и качественной обработке информации о данном явлении. При этом формальные количественные показатели оценки данного явления только как противоправного (по количеству раскрытых и расследованных уголовных дел, их эпизодов, осужденных лиц и т.п.), например, используемые в нашей стране, не представляют для международных исследователей существенной ценности в информационном анализе, т.к. не позволяют раскрывать внутренние процессы явления, выявлять причины и условия, способствующие его распространению. Совершенствовать эффективность контртеррористических стратегий можно

только с опорой на данные о взаимосвязях явлений и процессов.

Сравнительный анализ докладов TE-SAT и GTI также демонстрирует, что привычные для отечественных исследователей антитеррористические отчеты при всей своей информационной сложности не раскрывают внутренних связей в социальном явлении. Современный антитеррористический отчет должен быть дополнен географической информацией, широким перечнем субъективных и объективных данных. В идеальном варианте он должен стать геоинформационной системой – цифровой (виртуальной) моделью данных об отечественном терроризме. В такой цифровой модели построение отчетов, графиков и диаграмм будет автоматизировано, а с применением информационных технологий анализа данных значительно расширятся возможности получения прогностических данных о тенденциях развития терроризма. Подготовка такого прогноза с помощью информационных алгоритмов является вычислительной, а не аналитической задачей. Расширяя прогностические задачи в сфере противодействия терроризму, уже сейчас необходимо моделировать не только цифровые данные о данном явлении, но и социальную сетевую структуру его участников [7].

Обобщая вышеизложенное, в целях совершенствования информационно-аналитического обеспечения противодействия терроризму в нашей стране, можно сделать следующие предложения:

1. В Российской Федерации в целях углубления социологического понимания терроризма как явления (а не только как совокупности противоправных деяний) целесообразно совместно с научной общественностью рассмотреть возможность подготовки и публикации антитеррористических отчетов различных уровней (национального и региональных), с включением различных социально-экономических показателей. При этом верификация данных должна проводиться рабочими группами не только по форма-

лизованным бланкам статистической отчетности, но и на основе информационного анализа рабочих материалов. Для этого необходимо разработать программу неформализованного национального социометрического исследования терроризма. Это будет способствовать укреплению сотрудничества между субъектами противодействия терроризму, научной ответственностью и институтами гражданского общества, расширению национального антитеррористического фронта.

2. Регулярное согласование позиций стран-партнеров по антитеррористической коалиции, участвующих в работе Организации Договора о коллективной безопасности и Антитеррористического центра Содружества Независимых государств,

должно происходить при подготовке ежегодного публичного евразийского антитеррористического отчета. Подготовка такого документа должна выявлять несовершенство национального законодательства и проблемы его правоприменения, способствовать развитию контртеррористической практики на/в пространстве евразийских интеграционных образований, существующих в условиях открытых государственных границ.

3. Для евразийских интеграционных образований целесообразно рекомендовать вести совместные списки террористических организаций и связанных с ними физических лиц, вести централизованный учет подозреваемых в терроризме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залужный А.Г. Экстремизм и терроризм как угроза современному российскому обществу // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2016. № 7. С. 25-31.
2. Степанова Е.А. Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 41-45.
3. Тагиров З.И. Противодействие экстремизму и терроризму как проявления глобальных конфликтов (опыт Европейского союза) // Конфликтология / notabene. 2017. № 2. С. 38-47. DOI: 10.7256/2454-0617.2017.2.23312. URL: http://e-notabene.ru/knt/article_23312.html.
4. Денисов В.В., Горошко И.В., Яковец Е.Н. и др. Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2017. 256 с.
5. Тагиров З.И. Терроризм в Европейском союзе: направления совершенствования антитеррористической безопасности в России (антитеррористический менеджмент) // Национальная безопасность / notabene. 2017. № 5. С. 14-28. DOI: 10.7256/2454-0668.2017.5.23377. URL: http://e-notabene.ru/pnb/article_23377.html.
6. Щеблыкина И.В. Террористические преступления: проблемный характер оценки террористических угроз в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 72-76.
7. Торопов Б.А., Тагиров З.И. Модели террористических сетей и теоретико-игровой подход к оценке центральности их участников // Вопросы безопасности. 2016. № 6. С. 77-89. DOI: 10.7256/2409-7543.2016.6.21436. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_21436.html.

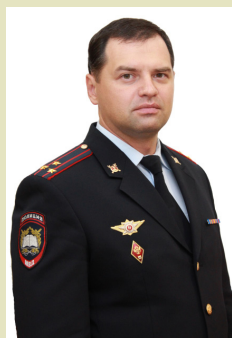
Тагиров Зуфар Ильдарович, преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России, майор полиции соискатель Академии управления МВД России, майор полиции

e-mail: 89053121275@mail.ru

©Тагиров С.Г., 2018

Статья получена: 12.07.2018. Статья принята к публикации: 17.08.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Шалагин А.Е.

Идиятулов А.Д.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ПОБУЖДЕНИЕМ К СУИЦИДУ, СОВЕРШАЕМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ
СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION
OF CRIMES RELATED TO EXCITATION TO SUICIDE DONE
BY THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION
NETWORK "INTERNET"

82

82

В статье дается криминологическая характеристика преступлений, сопряженных с побуждением (склонением) к суициду, совершаемых с использованием сети Интернет. Приведены примеры из следственной и судебной практики. Особое внимание уделено личности преступника и потерпевшего. Предложены меры, направленные на предупреждение и минимизацию преступлений, предусмотренных ст. 110-110.2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ).

Ключевые слова: Интернет, суицид, самоубийство, преступление, предупреждение, несовершеннолетние

The article gives the criminological characteristics of crimes associated with the inducement (inclination) to suicide using the Internet. Examples from investigative and judicial practice are given. Special attention is paid to the identity of offender and victim. The authors propose measures aimed at the prevention and minimization of the crimes under Art. 110-110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Internet, suicide, suicide, crime, prevention, minors

Для цитирования: Шалагин А.Е., Идиятулов А.Д. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с побуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 82-87. DOI: 10.24420/KUI.2018.42.29.006

For citation: Shalagin A.E., Idiyatulloev A.D. Criminological Characteristics and Prevention of Crimes Related to Excitation to Suicide Done by the Information and Telecommunication Network "Internet" // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 82-87. DOI: 10.24420/KUI.2018.42.29.006

XXI век ознаменовался переходом человечества в цифровую эпоху, IT-технологии позволяют миллионам людей по всему миру иметь доступ к безграничному количеству информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее сети Интернет). Четвертая научно-техническая революция изменила социальные отношения и увеличила потребность в информации. Сегодня сложно представить жизнь без Интернета, смартфонов, социальных сетей и других цифровых инноваций. Согласно исследованиям GlobalWebIndex, в 2018 году количество интернет-пользователей во всем мире достигло четырех миллиардов людей. В среднем граждане используют Интернет до 6 часов в день. Значительная часть жителей России (47%) являются активными пользователями социальных сетей (ВКонтакте и Instagram - 51%, Одноклассники - 12%, Facebook - 25% и др.). Граждане стали активнее пользоваться мобильными приложениями WhatsApp, Viber, Юла и проч., в том числе для совершения покупок. Все это свидетельствует о том, что сеть Интернет все больше входит в повседневную жизнь, изменяя структуру и способы потребления информации¹.

Подростки и несовершеннолетние являются наиболее активными пользователями мобильных телефонов, компьютеров. Сеть Интернет оказывает серьезное влияние на формирование их личности, а также культурные, моральные, эстетические ценности. В настоящий период в России до 73% несовершеннолетних ежедневно пользуются сетью Интернет, 1/3 из них проводит в сети свыше 8 часов. К сожалению, подростки больше времени уделяют виртуальному, чем живому общению².

Вместе с тем в результате интернет-активности увеличиваются риски девиантного и виктимного поведения. В

виртуальном мире несовершеннолетние сталкиваются с кибербуллингом, пропагандой экстремистского поведения, вовлечением в опасные игры, кибермошенничеством, сайтами для взрослых и т.п.

Дети и подростки через социальные сети и мессенджеры могут вовлекаться в антисоциальные молодежные движения и сообщества, пропагандирующие антиобщественные ценности, аморальные и противоправные формы поведения. Деятельность таких групп, напоминающих деструктивные культы и секты, связана с психологической обработкой несовершеннолетних, деформацией традиционных духовно-нравственных и эстетических ценностей.

Серьезно заявляет о себе проблема защиты детей от информации, создающей угрозу психическому и физическому здоровью, провоцирующей их к различным формам социально-негативного поведения (алкоголизму, наркомании, проституции, тунеядству и т.п.). С противоправной деятельностью подобных групп в социальных сетях («Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Море китов», «Млечный путь», «F57», «Красная сова», «Беги или умри», «Мертвые души», «150 звезд», «Я в игре» и др.) связано значительное количество суицидов среди несовершеннолетних.

Данной проблеме были посвящены труды В.С. Овчинского, Ю.М. Антоняна, И.М. Мацкевича, Я.И. Гилинского, Е.Г. Ермолаевой, А.Г. Амбрумовой, Е.К. Волконской, Ю.А. Уколовой, О.Р. Цой, А.А. Цыркалюк, Н.Г. Чукаевой, Р.А. Шахманова, Д.И. Эльмурзаева и др.

Необходимо отметить, что основными причинами суицидальных поступков подростков остаются семейные конфликты и неразделенная любовь³. Так, в 1959 году в нашей стране среди несовершеннолетних было зафиксировано около 40

¹Интернет 2017-2018 в мире и в России: статистика и тренды. URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2017-2018-v-mire-i-v-rossii-statistika-i-trendy> (дата обращения: 15.09.2018).

²Дети в Интернете. URL: http://www.bizhit.ru/index/deti_v_internete/0-648 (дата обращения: 15.09.2018).

³Информационные угрозы в Интернете и дети. URL: http://www.bizhit.ru/index/informacionnye_ugrozy_v_internete_i_deti/0-457 (дата обращения: 15.09.2018).

суицидов, окончившихся летальным исходом, в 1985 году их число составило 300 фактов, а в 2016 году зарегистрировано 720, что на 35 случаев больше по сравнению с 2015 годом [1, с.28]. Антиобщественная деятельность деструктивных интернет-сообществ заключается в вовлечении детей и подростков в опасные квест-игры, которые могут закончиться тяжелым увечьем или смертью. Их целью нередко выступает пропаганда суицидальной и экстремистской идеологии среди молодежи [2, с.86].

Несовершеннолетние, заинтересовавшись такой игрой, оставляют на своих страницах в социальных сетях хэштеги: #явигре, #тихийдом, #синийкит, то есть свое согласие, после чего с ними устанавливается контакт. Идентифицировать «кураторов» игры достаточно сложно, поскольку последние действуют удаленно (через чужие аккаунты), используют программное обеспечение, обеспечивающее их анонимность.

Нередко интерес у преступников вызывают подростки, находящиеся в кризисной ситуации, депрессивном состоянии, испытывающие проблемы с учебой, а также своими сверстниками, родителями, близкими родственниками. Незнакомые люди пытаются войти к ним в доверие, предлагают различные способы решения проблем (месть, насилие, уход из жизни и проч.). Для игроков устанавливаются правила: «никому не сообщать об игре», «всегда выполнять любые задания», «за невыполнение задания предусмотрены санкции (последствия)»¹.

Дети и подростки, погружаясь в интерактивную игру, приобщаются к таинственным символам, различным шифрам и кодам, специфической лексике, психоделической музыке, проходят разнообразные по своему содержанию и задачам уровни. Преступники стараются выяснить их возраст, увлечения, переживания. Игрокам предоставляются аудио,

фото и видеоматериалы, формирующие антивитаальную, аморальную, депрессивную направленность сознания. Подростку присваивается личный номер, устанавливаются, как правило, 50 заданий (по одному в день). Каждое последующее задание становится сложнее. Например, рисование убитых животных, бодрствование ночью, стояние без обуви на рассыпанной крупе, создание пентаграммы на теле при помощи лезвия, хождение по краю мокрой крыши высотного дома и т.п. Такие действия должны документироваться и размещаться в информационной ленте.

Несовершеннолетние, стремящиеся покинуть указанные группы, подвергаются систематическим унижениям и угрозам. Кроме того, испытывают на себе психологическое давление, в отношении них могут быть использованы методы нейролингвистического программирования (НЛП). Преступники нередко прибегают к шантажу, вымогательствам, оскорблениям. Были зафиксированы призывы к массовым самоубийствам.

В отношении потенциальных жертв применяются следующие методы психологического воздействия: создается ложное впечатление неразрешимости жизненных проблем, нагнетается ощущение безнадежности, одиночества, безысходности. В отдельных случаях, противоправные действия приводят к появлению и развитию у потерпевших психических расстройств. Так, в декабре 2017 г. 22-летний житель г. Москвы гр. Н. в социальной сети в сообществе «Синий кит» в ходе переписки неоднократно склонял 14-летнюю школьницу из г. Челябинска к суициду. Экспертизой было установлено, что гр. Н. в ходе общения с потерпевшей применял методы психического воздействия. В результате у нее развилось психическое расстройство, выражающееся в повторяющихся суицидальных попытках ухода из жизни, после чего ей было назначено стацио-

¹Синий кит (игра). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Синий_кит_\(игра\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Синий_кит_(игра)) (дата обращения: 15.09.2018).

нарное лечение, затем последовала реабилитация¹.

В отдельных случаях психическое воздействие на жертву было настолько сильным, что суицид был совершен даже после задержания подозреваемого. В апреле 2017 г. 27-летний житель г. Москвы гр. В. в социальной сети в ходе переписки с несовершеннолетней С. вовлек последнюю в квест-игру, в ходе которой выдавал задания, конечным итогом чего могло стать самоубийство девушки. Кроме того, под видом одного из заданий, гр. В. потребовал от гр. С. перевести на счет его банковской карты 23 тыс. рублей. После того как несовершеннолетняя отказалась лишать себя жизни, гр. В. неоднократно высказывал в адрес потерпевшей и ее родственников угрозы убийством, в результате чего девушка совершила неудачную попытку самоубийства. После задержания подозреваемого, не выдержав психологического давления, она повторила попытку суицида, в результате чего погибла².

Известны факты, когда преступники из корыстных или иных намерений вынуждали несовершеннолетних сообщать им свои персональные данные, принуждали отправлять фото- (видео) изображения, демонстрирующие интимные части тела. В последующем это использовалось для шантажа, вымогательства, угроз. В апреле 2018 г. 28-летний житель Воронежской области гр. Б. был привлечен к уголовной ответственности за доведение до самоубийства 16-летней жительницы г. Тюмени, которую в ходе общения (посредством видеосвязи) вынудил продемонстрировать обнаженное тело. Записав данные действия на цифровые носители, гр. Б. неоднократно принуждал потерпевшую к

дальнейшим контактам, в случае отказа угрожал распространением видеозаписи среди ее знакомых и друзей, чем спровоцировал депрессивное состояние и довел до суицида³.

Личность преступника в данной сфере характеризуется такими показателями как: а) возраст - 16-26 лет; б) семейное положение - холост (не замужем); в) образование - среднее, среднее специальное; г) жилищные условия - лицо, как правило, проживает совместно с родителями либо родственниками. Ученица восьмого класса в Самарской области, зарегистрировавшись в социальной сети, раздавала другим подросткам задания, которые должны были привести их к суициду⁴.

К иным характеристикам личности правонарушителя (преступника) можно отнести то, что он является активным пользователем сети Интернет, хорошо владеет навыками компьютерного программирования, создания сайтов, групп в социальных сетях. Чаще всего такие лица нигде не работают или временно трудоустроены, их деятельность, как правило, не связана с тяжелым физическим трудом. К психологическим характеристикам можно отнести недостаточную социальную адаптированность, хладнокровие, жестокость, цинизм, эгоизм, мстительность, антиобщественные взгляды, низкий уровень правосознания, отчужденность, пониженную самокритичность.

В то же время преступник обладает наблюдательностью, хорошо импровизирует, легко входит в контакт с потенциальной жертвой. Такой человек нередко демонстрирует ложное сочувствие и сопереживание. К мотивам его противоправной деятельности следует отнести: а) корысть; б) хулиганские побуждения; в)

¹Столичному куратору «Синего кита», арестованному в Челябинске, предъявили новое обвинение. URL: https://www.znak.com/2018-03-06/stolichnomu_kuratoru_sinego_kita_arestovannomu_v_chelyabinske_predyavili_novoe_obvinenie (дата обращения: 15.09.2018).

²Суд, вопреки мнению участников, открыл для СМИ процесс по делу куратора «Синего кита». URL: https://www.znak.com/2018-02-07/sud_vopreki_mneniyu_uchastnikov_otkryl_dlya_smi_process_po_delu_kuratora_sinego_kita (дата обращения: 15.09.2018).

³Архив Россошанского районного суда Воронежской области, приговор по уголовному делу № 1-77/2018.

⁴Переписка ценою в жизнь. «Группы смерти» в соцсетях курировали школьники. URL: <https://rg.ru/2017/09/11/kuratori-grupp-smerti-okazalis-podrostki.html> (дата обращения: 15.09.2018).

желание прославиться; г) самоутверждение за счет манипуляции несовершеннолетними. В июле 2017 г. 22-летний житель Московской области гр. П. был привлечен к уголовной ответственности за доведение до самоубийства 15-летней жительницы г. Астрахани и 16-летней жительницы Тюменской области, которых он завлек в игру «Море китов». В ходе судебного процесса выяснилось, что первой по сети Интернет он отправлял сообщения с указанием покончить жизнь самоубийством путем падения с крыши высотного здания, а второй употребить за раз большое количество лекарственных препаратов¹.

Преступники объединяют усилия в интернет-сообществах с целью совместного совершения указанных действий, для чего обмениваются между собой сведениями о возможных жертвах, способах вовлечения в игру, распределяют между собой роли и функции. Преступления, совершаемые группой лиц по предварительному сговору, а также в отношении несовершеннолетних представляют повышенную общественную опасность. В апреле 2018 г. 23-летняя безработная жительница Новосибирской области гр. Г., действовавшая по преступному сговору с 15-летним жителем Краснодарского края гр. Л., была привлечена к уголовной ответственности за склонение к самоубийству 13-летней жительницы г. Хабаровска гр. А. Поскольку преступные действия гр. Л. и Г. были вовремя пресечены отцом девочки и правоохранительными органами, опасные последствия удалось предотвратить².

Личность потерпевшего по таким уголовным делам, как правило, характеризуется возрастом 12-17 лет, учебой в средних и средних профессиональных образовательных учреждениях, отчужденностью несовершеннолетних от родителей и своих сверстников. Такие лица являются активными пользователями сети

Интернет, проявляют слабый интерес к учебе, мало участвуют в общественно полезных мероприятиях. У них плохо развиты коммуникативные и адаптационные способности. Им свойственна импульсивность, вспыльчивость, упрямство, обидчивость, низкая самооценка. Такие лица нередко эгоистичны, внушаемы, ведомы, мнительны. В отдельных случаях употребляют наркотические, психотропные и сильнодействующие вещества.

В настоящее время в Мексике, Аргентине, США, Испании, Германии и в других странах стала набирать популярность смертельно опасная интерактивная игра «Момо», которая распространяется через мобильное приложение WhatsApp. Анонимный номер присылает подросткам приглашение к общению, после получения согласия участнику игры начинают приходить фото- видеоизображения со сценами насилия и жестокости. Игроку предлагается выполнить различные задания, связанные с риском для жизни и здоровья. В зарубежном издании Buenos Aires Times сообщается, что со зловещей игрой «Момо» может быть связано самоубийство 12-летней девочки в Аргентине, обстоятельства которого расследуют правоохранительные органы³.

К мерам предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 110-110.2 УК РФ, необходимо отнести установление доверительных и доброжелательных отношений между родителями и детьми. В тех случаях, когда взрослые интересуются жизнью своих детей, правильно налаживают с ними контакт, дают возможность несовершеннолетним выражать свои чувства и эмоции, прислушиваются к их переживаниям, риск стать жертвой чужого преступного умысла сводится к минимуму [3, с.160].

В семье и в учебных заведениях необходимо проводить пропаганду здорового образа жизни, содействовать отказу от

¹ Архив Тобольского районного суда Тюменской области, приговор по уголовному делу № 1-51/2017.

² Архив Татарского районного суда Новосибирской области, приговор по уголовному делу № 1-46/2018.

³ «Смертельная» игра Момо. Что грозит детям. URL: <https://360tv.ru/news/tekst/smertelnaja-igra-momo-chto-grozit-detjam/> (дата обращения: 15.09.2018).

вредных привычек, разъяснять (прививать) нравственные и культурные ценности, своевременно информировать о возникающих угрозах, антиобщественных формах поведения, пресекать суицидальные наклонности [4, с.143]. Такая деятельность поможет детям и подросткам сформировать устойчивую систему жизненных ценностей и активно противостоять вовлечению в совершение противоправных (антиобщественных) действий. Также необходимо разъяснять правила виктимологической профилактики и этического поведения в социальных сетях. Особое внимание следует обратить на условия конфиденциальности и защиту персональных данных пользователя интернет-услуг. Другим инструментом противодействия интернет-угрозам является повышение уровня информационной культуры родителей, педагогических работников и самих несовершеннолетних.

87

Необходимо отметить высокую латентность рассматриваемых преступлений [5, с.73] и недостаточную профилактическую работу в данной сфере [6, с.132]. В связи с этим мы предлагаем установить административную ответственность за публичную пропаганду суицида в сети Интернет, а также в средствах массовой информации.

Для установления мотивов и причин самоубийства по каждому факту необходимо возбуждение уголовного дела и проведение неотложных следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Данное предложение будет способствовать всестороннему, полному и объективному расследованию обстоятельств произошедшего; выявлению преступлений, связанных с понуждением к суициду, а также фактов умышленного причинения смерти (инсценировки самоубийства) [7, с.295].

Хорошо зарекомендовали себя тренинги и специальные курсы, направленные на просвещение молодых людей в вопросах взаимоотношения полов, подготовки их к семейной жизни, воспитания детей, корректировки психологической устойчивости, противостояния манипуляции сознанием. Нужно привлекать квалифицированных психологов, педагогов и иных специалистов для своевременного выявления несовершеннолетних, склонных к суицидальному и аутоагрессивному поведению.

Поставщики интернет-услуг должны хранить определенные виды данных об активности абонентов на протяжении установленного периода времени, в течение которого правоохранительные органы могут получить доступ к этой информации при наличии судебного решения [8, с.117]. Интернет-провайдеры обязаны блокировать доступ к информации, содержащей пропаганду суицидальной и экстремистской идеологии. Должны быть созданы соответствующие условия для удаления деструктивного контента при получении уведомления (предупреждения) со стороны правоохранительных органов.

87

К иным мерам предупреждения таких преступлений относятся защита от несанкционированного доступа к персональным данным; дальнейшее совершенствование российского законодательства о профилактике преступлений в сфере компьютерной информации [9, с.340]; установление контроля за разработчиками и поставщиками интернет-услуг; подготовка квалифицированных кадров, способных противостоять современным информационным (цифровым) угрозам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатенко В.И. Самоубийство (суицид) среди молодежи как криминологическая проблема // Юрист юга России и Закавказья. 2017. № 2 (18). С.27-33.
2. Артюшина О.В. Новеллы УК РФ о противодействии деятельности, направленной на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7. № 3. С.85- 92.

3. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С.159-161.
4. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 236 с.
5. Теунаев А.С.-У. К вопросу о совершенствовании норм об уголовной ответственности за по-
нуждение к суицидальному поведению // Вестник Казанского юридического института МВД
России. 2017. Т. 7. № 3. С. 72-77.
6. Волконская Е.К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и крими-
нологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011. 193 с.
7. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Влияние алкоголизма на суицидальное и преступное пове-
дение // Евразийский юридический журнал. 2018. № 7 (122). С. 294-297.
8. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИН-
ФРА-М, 2018. 347 с.
9. Криминология: учебник для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. М.: Норма: ИНФРА. М,
2017. 368 с.

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры
криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД
России

e-mail: aeshalagin@yandex.ru

Идиятуллов Алмаз Дамирович, адъюнкт Казанского юридического института МВД России

e-mail: almaz.idiyatullova52@bk.ru

© Шалагин А.Е., 2018

© Идиятуллов А.Д., 2018

88 Статья получена: 17.09.2018. Статья принята к публикации: 17.10.2018. Статья опубликована
онлайн: 15.11.2018.

88

Заявленный вклад авторов:

Шалагин Антон Евгеньевич – анализ научной литературы по проблеме исследования; дора-
ботка текста исследования; разработка концептуальных подходов исследования; формиро-
вание выводов и практических рекомендаций;

Идиятуллов Алмаз Дамирович – подготовка первоначального варианта текста; сбор и анализ
эмпирических данных, их обобщение; поиск аналитических и статистических материалов в
научных и справочных источниках.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не
возражаем.

Гаджиев М.А.

ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ
СЛУШАТЕЛЕЙ, ПРОХОДЯЩИХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ
ОБУЧЕНИЕ В УЧЕБНЫХ ЦЕНТРАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

ISSUES OF PHYSICAL PREPAREDNESS OF STUDENTS
PASSING PRIMARY EDUCATING IN LEARNING CENTERS
OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF MIA OF RUSSIA

В статье рассматриваются проблемы физической подготовленности лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел, на основе проведенного анализа сдачи нормативов по физической подготовке слушателей. Автором выделены факторы, оказывающие негативное влияние на уровень общей физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел, а также намечены пути их преодоления.

Ключевые слова: физическая подготовка, первоначальное обучение, сотрудник органов внутренних дел, слушатель

89

Issues of physical preparedness of persons recruited in internal affairs agency basing on the conducted analysis of exams on physical training of students are examined in the article. An author distinguished factors that negatively impact the level of general physical preparedness of employees of internal affairs agency, and pointed out the ways to overcome them.

89

Key words: physical training, initial training, personnel of bodies of internal affairs, students

Для цитирования: Гаджиев М.А. Проблемы физической подготовленности слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах образовательных организаций МВД России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 89-93. DOI: 10.24420/KUI.2018.74.79.007

For citation: Gajiev M.A. Issues of Physical Preparedness of Students Passing Primary Educating in Learning Centers of Educational Organizations of MIA of Russia // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 89-93. DOI: 10.24420/KUI.2018.74.79.007

Вопросы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел остаются крайне актуальными до сих пор. Современные требования, предъявляемые к уровню умственной, физической, моральной и психологической подготовки сотрудников, существенно отличаются от тех, что существовали ранее.

Реформа МВД России, начавшаяся в 2011 году, направлена на формирование комплексной системы высокопрофессиональной подготовки кадров,

которая бы отвечала новым вызовам преступности, новой структуре и задачам органов внутренних дел, обеспечивала кардинальное повышение профессионального уровня российского полицейского, способного эффективно выполнять любые поставленные задачи.

Подготовка квалифицированных сотрудников полиции, способных эффективно решать служебные задачи любой степени сложности и готовых отстаивать конституционные права граждан

Российской Федерации, является главной целью Казанского юридического института МВД России. В числе приоритетных направлений формирования профессиональной готовности будущих специалистов органов внутренних дел оказывается и физическая подготовка, включающая в себя не только умелое применение физической силы, боевых приемов борьбы и специальных средств, но и повышение выносливости, ловкости и обеспечение высокой работоспособности сотрудников в ходе служебной деятельности в органах внутренних дел.

Анализируя практику подготовки сотрудников органов внутренних дел по учебной дисциплине «Физическая подготовка», можно прийти к выводу, что регулярные повседневные занятия физической культурой (спортом), а также повышение личной двигательной активности в соответствии с системными установками профессиональной деятельности обеспечивают успешное выполнение требований, предъявляемых к сотрудникам.

Поэтому, по нашему мнению, на первый план выдвигаются проблемы физической подготовленности лиц, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел и проходящих первоначальное обучение в учебных центрах МВД России.

Основной контингент слушателей, поступивших в 2015-2017 гг. в Казанский юридический институт МВД России на первоначальное обучение, составляют выпускники средних общеобразовательных школ, прошедшие службу в армии. В настоящее время начальный уровень физической подготовленности данных слушателей является недостаточным ввиду низкой эффективности функционирования системы физического воспитания общеобразовательной

школы, что создает дополнительную нагрузку для преподавателей образовательных организаций МВД России.

Необходимо отметить отсутствие у слушателей такой важной составляющей, как мотивация к освоению предмета «Физическая подготовка», что ведет к пропускам занятий по различным причинам и, как следствие, затрудняет совершенствование процесса обучения.

В целях изучения уровня физической подготовленности слушателей, проходящих первоначальное обучение в Казанском юридическом институте МВД России, нами были изучены результаты входного контроля слушателей по предмету «Физическая подготовка». Анализ сдачи нормативов по физической подготовке слушателей (результатов входного контроля) за последние три года показал, что более 50% слушателей рядового и младшего начальствующего состава по направлению подготовки «Патрульно-постовая служба» не смогли набрать необходимое количество баллов, предусмотренных приказом МВД России от 13.11.2012 № 1025дсп «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел» (рис.1)¹. В настоящее время в данный приказ внесены незначительные изменения, которые существенно не меняют полученных результатов исследования².

Низкий уровень результатов входного контроля отмечается также и у лиц среднего и старшего начальствующего составов, впервые принимаемых на службу в органы внутренних дел на должности участкового уполномоченного полиции, инспектора по делам несовершеннолетних, инспектора по исполнению административного законодательства, инспектора по лицензионно-разрешительной работе (рис. 2).

¹Об утверждении Наставления по организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел: приказ МВД России от 13.11.2012 № 1025дсп.

²Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России 05.05.2018 № 275.

Результаты входного контроля слушателей ППС ОВО, в процентах

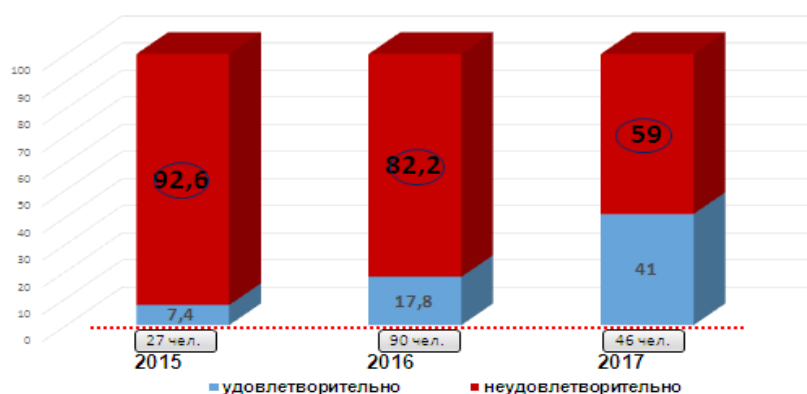

Рисунок 1.

Результаты входного контроля слушателей УУП ПДН, в процентах

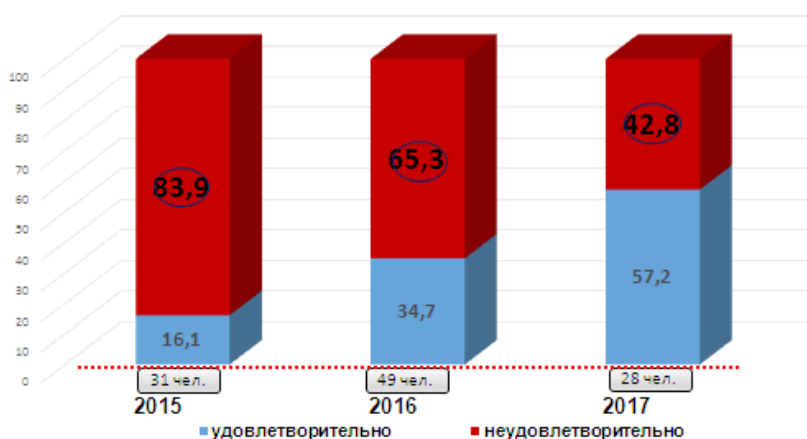

Рисунок 2.

Результаты анализа входного контроля по физической подготовке показывают, что уровень физической подготовленности слушателей, проходящих обучение на должностях сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, сотрудников подразделений дознания, сотрудников подразделений предварительного следствия, а также слушателей, проходящих обучение на должностях среднего и старшего начальствующих составов, гораздо выше, чем у слушателей, проходящих обучение по направлению подготовки «Патрульно-постовая служба» (рис.3,4).

На наш взгляд, такая разница обусловлена наличием у слушателей достаточ-

ного опыта практической деятельности. Большинство слушателей из числа офицерского состава не первый год работают в органах внутренних дел, знакомы с порядком выполнения упражнений и требованиями по физической подготовке. В связи с этим при приеме на службу в органы внутренних дел лиц рядового и младшего начальствующего состава целесообразно уделять особое внимание разъяснению техники выполнения упражнений и требований по физической подготовке.

К факторам, оказывающим негативное влияние на уровень общей физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел, относятся следующие:

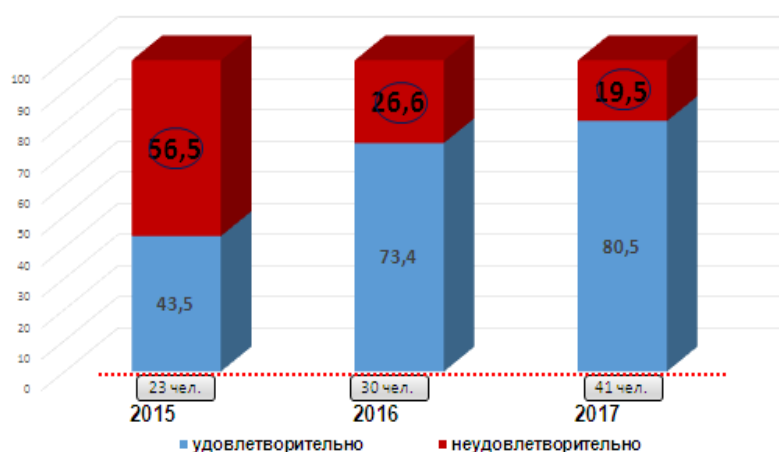
*Результаты входного контроля слушателей СО ДО ЭКЦ,
в процентах*

Рисунок 3.

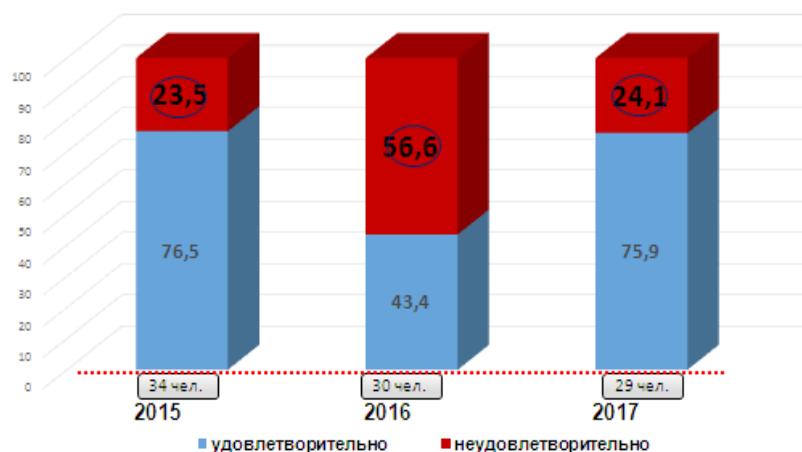
*Результаты входного контроля слушателей СНС,
в процентах*

Рисунок 4.

1. Во многих подразделениях органов внутренних дел контроль уровня физической подготовленности проводится формально. К причинам такого подхода можно отнести плохую организацию учебного и воспитательного процесса, отсутствие спортивных площадок, залов и, конечно же, высокую загруженность сотрудников.

2. В арсенале системы общей физической подготовки имеются научно обоснованные подходы для целенаправленного совершенствования всех основных физических качеств, а также повышения уровня функциональных возможностей различных систем организма, однако в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации они применяются

недостаточно эффективно. Это связано со многими причинами, среди которых прежде всего выделяются: недостаточное материально-техническое и методическое обеспечение педагогического процесса; напряженность деятельности подразделений органов внутренних дел, а также недостаточно полное понимание сотрудниками важности высокой физической подготовки в профессиональной деятельности.

3. В настоящее время при организации и планировании физической подготовки в органах внутренних дел не учитываются особенности оперативно-служебной деятельности сотрудников. Не соответствуют профессиональным требованиям к под-

готовленности сотрудников и методика организации занятий по физической подготовке, что говорит о необходимости ее совершенствования.

4. Учебные программы в образовательных организациях МВД России в большей степени ориентированы на решение задач обучения двигательным действиям и развития физических качеств и в гораздо меньшей степени на решение задач воспитания потребностей в ценностях физической культуры для достижения жизненных и профессиональных целей.

Еще одним из направлений совершенствования физической подготовки слушателей образовательных организаций МВД России является внедрение методов моделирования различных ситуаций, встречающихся в профессиональной деятельности сотрудников полиции.

93

Сказанное еще раз подчеркивает важность общешкольной системы физического воспитания, особенно в профильных классах. Особое внимание в школе должно уделяться занятиям по физической культуре, которые, в свою очередь, должны быть направлены на развитие не только основных физических качеств, но и специальных, так необходимых в профессиональной деятельности будущего сотрудника правоохранительных органов. Преподаватели физической культуры должны проводить занятия, широко используя и творчески применяя различные активные и интерактивные методы, добиваясь высокой плотности и эффективности учебного процесса, прививая учащимся стремление к самостоятель-

ным занятиям физической культурой и спортом.

В ходе изучения проблематики физической подготовленности слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах образовательных организаций МВД России, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. С целью повышения профессионального мастерства сотрудников, ответственных за проведение физической подготовки, обеспечить регулярные стажировки в образовательных организациях МВД России в качестве преподавателей боевой и физической подготовки.

2. Необходимо находить возможности для совершенствования учебной, научной, спортивной, материальной базы, а также технических средств органов внутренних дел.

3. С учетом количества сотрудников в подразделениях реализовать возможность организации занятий по физической подготовке.

4. Стимулировать деятельность сотрудников, направленную на организацию мероприятий спортивно-оздоровительного характера, формирование здорового образа жизни у сотрудников.

5. При оценке уровня физической подготовленности руководствоваться едиными нормативными требованиями приказов МВД России.

6. Привлекать к ежегодно проводимым конференциям, круглым столам по проблемам физической культуры специалистов из других силовых ведомств и гражданских учреждений.

93

Гаджиев Магомед Алиевич, преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России
e-mail: magomed.gadzhiev.1985@mail.ru

© Гаджиев М.А., 2018

Статья получена: 17.09.2018. Статья принята к публикации: 15.10.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Мифтахов И.З.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ АФГАНИСТАНА: ОПЫТ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В 2003-2006 ГГ.

PROFESSIONAL POLICE OF AFGHANISTAN: EXPERIENCE TRAINING IN 2003-2006

В статье рассматривается опыт подготовки кадров для полиции Исламской Республики Афганистан с 2003 до 2006 годы, когда остро встал вопрос о комплектовании Министерства внутренних дел в кратчайшие сроки новыми сотрудниками. Исследуются разные подходы к организации обучения полицейских, эффективность интенсивных программ подготовки, возникающие в процессе их реализации трудности. Особое внимание уделено подготовке полицейских на краткосрочных курсах.

Ключевые слова: профессиональная полицейская служба, программа подготовки полицейских, комплектование полиции, учебный центр полиции, краткосрочные курсы

The article discusses the experience of training personnel for the police of the Islamic Republic of Afghanistan from 2003 to 2006, when the question of staffing the Ministry of Interior as soon as possible with new staff members became acute. Various approaches to the organization of police training, the effectiveness of intensive training programs arising in the process of their implementation are investigated. Particular attention is paid to the training of police officers on short courses.

Keywords: professional police service, police training program, police recruitment, police training center, short-term courses

Для цитирования: Мифтахов И.З. Профессиональная полиция Афганистана: опыт подготовки кадров в 2003-2006 гг. // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 94-101. DOI: 10.24420/KUI.2018.22.58.008

For citation: Miftahov I.Z. Professional Police of Afghanistan: Experience Training in 2003-2006 // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 94-101. DOI: 10.24420/KUI.2018.22.58.008

Выбор и актуальность данной темы обусловлены тем, что в образовательных организациях МВД России уже на протяжении нескольких лет осуществляется профессиональная подготовка иностранных слушателей – будущих сотрудников правоохранительных органов. В связи с этим интересен и показателен опыт подготовки кадров для полиции Афганистана до 2006 года, когда после падения режима Талибана (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) остро встал вопрос о необходимости комплектования силовых структур, в том

числе Министерства внутренних дел, новыми сотрудниками. Уже на начальном этапе выявились разные подходы к организации данного процесса со стороны стран-доноров, решению проблем, имеющих иногда ярко выраженную специфику.

Точкой отсчета начала международной помощи Афганистану в становлении полиции после падения режима Талибана (организация, запрещенная на территории Российской Федерации) принято считать конференцию стран-доноров в Токио в январе 2002 года, когда Федеративная Республика Германия приняла на себя

обязательства оказать помощь Временному правительству, возглавляемому Хамидом Карзаем, в реформировании этого важного сегмента сектора безопасности. В феврале того же года на конференции в Берлине Германия представила уже конкретный план предоставления помощи.

В апреле 2002 года на конференции G8 в Женеве за Федеративной Республикой Германия, которая уже имела опыт взаимодействия с Афганистаном в деле подготовки полицейских, было закреплено проведение реформы полиции в Афганистане. Странами-донорами была достигнута договоренность о создании профессиональной полицейской службы численностью 62 тысячи человек. Какие-либо сроки комплектования полиции установлены не были.

В плане подготовки кадров для афганской полиции Германия сконцентрировала свои усилия в основном на возрождении Полицейской академии в Кабуле, где кандидаты в офицеры полиции проходили обучение по программе, рассчитанной на 3 года [1]. Однако вскоре стало очевидно, что ситуация с безопасностью в стране требует интенсификации обучения. В целях подготовки к проведению президентских выборов в октябре 2004 года Соединенные Штаты Америки взяли на себя обязательства по реформированию армии Афганистана и в 2003 году инициировали свою программу подготовки полицейских (в основном патрульных).

Бюро по международным вопросам контроля над наркотиками и охраны правопорядка Государственного департамента США, которое стало ответственным за подготовку полицейских Афганистана, заключило контракт с компанией DynCorp International (далее – DynCorp) на строительство учебных центров, а также комплектование их наставниками и инструкторами.

DynCorp завершила строительство Центрального учебного центра полиции в Кабуле в мае 2003 года. 9 международных инструкторов подготовили учебную программу, основанную на опыте работы

Школы полицейской службы в Косово. Это были 8-недельная подготовка для грамотных курсантов, сокращенная 5-недельная – для неграмотных и 15-дневный курс – для опытных полицейских. В действительности основная масса обучающихся проходила только 15-дневный курс [2]. Сотрудники дорожной и пограничной полиции получали дополнительную двухнедельную специализированную подготовку. Позднее сроки подготовки и количество курсов претерпели незначительные изменения (таблица).

В 2004 году подготовка рядового и сержантского состава полиции проводилась уже в семи региональных центрах по всей стране – Кандагаре, Герате, Гардезе, Мазари-Шарифе, Кундузе, Джелалабаде, Бамиане.

Как правило, до направления в учебный центр новобранец имел опыт службы в полиции от нескольких месяцев до года, выполняя различные административные или охранные обязанности.

Использовался также принцип подготовки инструкторов. Более 800 афганцев, которые закончили трехнедельный курс подготовки инструкторов, проводили обучение совместно с консультантами из DynCorp.

В связи с последующей необходимостью объединения ресурсов и повышения уровня подготовки кадров в обстановке ухудшения ситуации с безопасностью в апреле 2005 года руководство американской программы помощи полиции было передано министерству обороны США. Управление по военному сотрудничеству в Афганистане, которое занималось обучением афганской армии, после получения дополнительных функций в мае 2006 года было переименовано в Объединенное командование по обеспечению безопасности в Афганистане на переходном этапе.

Передача функций мало повлияла на характер обучения афганских полицейских стажеров, поскольку основной курс по-прежнему оставался очень непродолжительным. Несмотря на передачу ответ-

ственности, в 2005–2009 годах Бюро по международным вопросам контроля над наркотиками и охраны правопорядка США де-факто занималось обучением полицейских Афганистана.

Несмотря на то, что благодаря американской программе быстро увеличилось количество афганских полицейских, уровень их подготовки был весьма поверхностным.

При подготовке полицейских в Афганистане пришлось столкнуться с многочисленными проблемами.

Так, в новой полиции имелась необходимость в квалифицированных инструкторах. Для решения этой проблемы DynCorp заключало контракты с недавно ушедшими на пенсию офицерами полиции из небольших и средних по численности полицейских участков США, часть инструкторов составляли действующие сотрудники полиции, откомандированные для работы в Афганистане, около половины инструкторов имели опыт военной службы до поступления на работу в полицию. Однако большинство инструкторов не имели опыта работы за границей и не понимали, как следует работать в афганском обществе.

Кроме того, большие трудности возникали с поиском квалифицированных переводчиков из числа местного населения для работы с инструкторами.

К новобранцам, идущим на службу рядовыми полицейскими, не предъявлялись требования по наличию образования. Отбором занимались только в Полицейской академии в Кабуле, где учитывались образование (необходимо было окончить 12 классов школы), возраст, рост и состояние здоровья. В других случаях на службу в полицию шли по представлениям местных чиновников, полевых командиров или старейшин.

Не было возможности провести полную проверку биографических данных рекрутируемых в связи с отсутствием баз данных и традицией большинства людей использовать только имя, без фамилии и отчества. Имели место случаи

неоднократного прохождения курсов одними и теми же людьми, так как во время обучения курсанты были на полном довольствии, а учет прошедших обучение не всегда был точным.

Но и после окончания обучения в учебных центрах их выпускники не всегда стремились продолжить работу в полиции. Ввиду разницы в зарплате многие из них уходили работать в частные охранные компании, часто с закрепленным оружием.

Никакой последующей подготовки на местах не предусматривалось – это был отход от предыдущих программ США в Панаме, на Гаити и на Балканах, – и никаких последующих шагов для оценки того, что происходило на практике, не проводилось. В начале 2005 года первые 16 инструкторов были направлены на места для оценки эффективности обучения и оказания помощи. Однако такая практика не нашла широкого применения в связи с отсутствием достаточного количества инструкторов и проблемами обеспечения их безопасности.

Несмотря на объективные трудности, по состоянию на январь 2005 года Федеративная Республика Германия и Соединенные Штаты Америки обучили более 35 тысяч афганских полицейских (33903 человек – регулярная полиция, 220 – дорожная полиция, 1151 – пограничная полиция) [4]. К июню 2006 года количество обученных полицейских превысило 60 тысяч человек [5].

Базовый I курс был разработан для обеспечения служащих полиции пониманием основ полицейской службы и демократических принципов работы полиции. Этот курс считался наиболее предпочтительным методом обучения для должностей начального уровня Афганской национальной полиции (далее – АНП). Каждому рекруту выдавались учебные материалы, напечатанные на языке дари.

Этот курс преподавался более 2 лет для регулярной, пограничной и дорожной полиции.

Базовый II курс читался для неграмотных новобранцев и действовал примерно 2 года.

Однако неграмотные выпускники учебных центров могли выполнять только дополнительные или вспомогательные полицейские обязанности. Учебный план Базового II курса предусматривал получение неграмотными полицейскими базовых знаний, которые могли быть улучшены во время будущей полицейской службы дополнительным образованием, в которое, не в последнюю очередь, должно было войти обучение грамотности.

Базовый III курс в итоге заменил Базовый II курс. После прохождения 5-недельного курса обучения грамотности студенты приступали к 9-недельному курсу, который читался грамотным слушателям. Это было сделано для того, чтобы уравнивать общие навыки всех обучаемых курсантов.

Курсы по интеграции в переходный период представляли собой необходимый этап развития процесса обучения персонала АНП, окончивших один из базовых курсов I, II или III, а также сотрудников полиции, не посещавших базовые курсы.

Курс по интеграции в переходный период I - курс повышения квалификации действующих офицеров АНП был заменен курсом по интеграции в переходный период III.

Курс по интеграции в переходный период II был разработан как дополнение к курсу по интеграции в переходный период I, также был заменен на курс по интеграции в переходный период III.

Курс по интеграции в переходный период III - обязательный для всех служащих полиции, даже если они посещали курс по интеграции в переходный период I и/или II.

Принципиальная разница с предыдущими курсами состояла в дополнительном двухнедельном курсе управления, объединенном с усовершенствованным трехнедельным курсом демократической полицейской деятельности.

Новый курс по интеграции в переходный период III начали преподавать в центральном учебном центре в апреле 2006 года, а в региональных центрах - в конце 2006 года. Курс был предложен в 3 вариантах, каждый из которых был приспособлен к имеющимся званию и опыту офицеров полиции. Офицеры полиции в звании лейтенанта и капитана посещали курс «А», который сосредоточился на приобретении навыков управления первой стадии.

Офицеры полиции в звании от майора до полковника посещали курсы «В», которые, в свою очередь, давали знания управления среднего уровня.

Генералы посещали курсы «С».

В случае продвижения по службе от офицера требовалось пройти курс III уровня или, по меньшей мере, пройти двухнедельную часть этого курса, посвященную управлению, в соответствии с новым званием.

Курс пограничной полиции должен был (но не всегда) преподаваться как продолжение базового полицейского курса. Был разделен на два вида - один для грамотных учащихся, другой - для неграмотных, но изучаемые предметы не отличались.

Курс уголовного расследования был предназначен для начального уровня обучения следователей по уголовным делам основам расследования преступлений и возбуждения дел для судебного преследования.

В классе было предусмотрено единовременное обучение не более 20 слушателей. Первоначально курс преподавался только в Центральном учебном центре.

Программа подготовки сотрудников на местах: по возвращении в свои полицейские участки выпускники данной программы должны были инструктировать и оценивать новых выпускников базового курса полиции АНП. Этот курс преподавался в Центральном учебном центре и в некоторых региональных центрах.

Учебные курсы по огневой подготовке преподавались в составе других базовых курсов. Курсы постоянно обновлялись в

связи с обновлением стоящего на вооружении в полиции оружия.

Курс подготовки инструкторов был разработан для офицеров, имеющих потенциальную способность обучения других полицейских в провинциях, в том числе, грамотности, а также инструкторов по уголовным расследованиям.

Полицейское вождение – курс был предназначен для обучения лицензированных водителей АНП для безопасного управления полицейским транспортным средством. Первые две недели изучались устройство автомобиля и правила

дорожного движения. На заключительной неделе проходило практическое вождение один на один с преподавателем.

Факультатив по тактическому обучению полиции – интенсивный курс, основная целевая группа которого – пограничная полиция и другая полиция, работающая в районах повышенного риска.

Цель данного обучения – уменьшить количество смертей и ранений полицейских и повысить безопасность в обществе благодаря лучше подготовленным офицерам полиции. Занятие предусматривало не более 75 учащихся в классе.

Таблица

Содержание курсов подготовки кадров полиции Афганистана
(по состоянию на ноябрь 2006 года)

Базовые полицейские курсы		
Название курса	Срок, условия	Содержание курса
Базовый I	9 недель, для грамотных курсантов	- ценности и нормы профессиональной этики сотрудника полиции; - основы демократической полицейской деятельности и соблюдение достоинства человека; - уголовное право и процесс; - взаимодействие с населением при охране общественного порядка; - первая помощь; - права человека; - преступления на почве ненависти; - осмотр места преступления; - служба на контрольно-пропускных пунктах; - регулирование движения; - уголовное расследование; - методика проведения опроса; - протоколирование; - составление рапортов. В 2006 году был введен курс стрельбы длительностью 3,5 дня

Базовый II	5 недель, для неграмотных курсантов	
	Программа соответствовала Базовому I, но включала 32 урока, которые могли быть прочитаны только грамотным слушателям: составление рапортов, протоколирование, методика проведения опроса, более углубленное изучение уголовного права и уголовного процесса	Программа соответствовала Базовому I, но включала 32 урока, которые могли быть прочитаны только грамотным слушателям: составление рапортов, протоколирование, методика проведения опроса, более углубленное изучение уголовного права и уголовного процесса. 3,5-дневный курс по обучению стрельбе был добавлен к Базовому II курсу в 2006 году
Базовый III	14 недель	5-недельный курс обучения навыкам грамотности плюс 9-недельный Базовый I
Курсы повышения квалификации		
Название курса	Срок, условия	Содержание курса
Курс по интеграции в переходный период I	3 недели, для грамотных полицейских в звании от лейтенанта и выше	Курс фокусировался на следующих дисциплинах: - демократические основы защиты прав человека, - запрет дискриминации и соблюдение международного права
Курс по интеграции в переходный период II	3 недели	Курс включал в себя, в том числе, следующие предметы: - начальные курсы управления; - этика; - досмотр автотранспортных средств; - информирование о минной опасности; - основы демократической полицейской деятельности; - защита прав человека; - недопущение дискриминации; - соблюдение международного права

Курс по интеграции в переходный период III	5 недель	Основные темы курса: – уголовное право; – отработка навыков полицейской службы; – методика проведения опроса; – основы экспертной подготовки; – осмотр места преступления; – огневая подготовка
Специализированные курсы		
Название курса	Срок, условия	Содержание курса
Курс пограничной полиции	2 недели (2 вида: для грамотных и неграмотных курсантов)	– борьба с контрабандой; – распознавание наркотиков; – распознавание опасных материалов; – розыск; – работа на контрольно-пропускных пунктах; – обеспечение безопасности
Курс уголовного расследования	3 недели	– составление рапортов; – осмотр места происшествия; – составление рапортов; – осмотр места происшествия; – обучение сбору и сохранению доказательств; – проведение опроса и допроса; – расследование конкретных видов преступлений, таких как убийства, незаконный оборот наркотиков, нападения и кражи
Программа подготовки сотрудников на местах	5 недель	– технические аспекты полицейской деятельности; – обучение навыкам наставничества и оценки новых сотрудников полиции
Учебные курсы по огневой подготовке	3,5 дня	– многоуровневый подход к обучению: от обучения навыкам стрельбы из пистолетов и автоматов до подготовки инструкторов по стрельбе
Курс подготовки инструкторов	2-4 недели	этот курс был разработан для офицеров, имеющих потенциальную способность обучения других полицейских в провинциях (в том числе, грамотности), а также инструкторов по уголовным расследованиям

Полицейское вождение	3 недели	- устройство автомобиля; - правила дорожного движения; - практическое вождение
Факультативный курс по тактическому обучению полиции	6 дней	- базовые знания и практические навыки пресечения преступной деятельности и выживания во враждебных условиях

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарифи А., Мифтахов И.З. Образовательный процесс в Полицейской академии Афганистана: история и современность // Сборник трудов молодых ученых и преподавателей КЮИ МВД России. Выпуск 11 / под ред. С.Н. Миронова. Казань: КЮИ МВД России, 2016. С. 55-58.
2. The Police Challenge: Advancing Afghan National Police Training. URL: <http://project2049.net/publications.html> (accessed 3 December 2017).
3. Afghanistan security: Efforts to Establish Army and Police Have Made Progress, but Future Plans Need to be Better Defined. URL: <http://www.gao.gov/products/GAO-05-575> (accessed 2 December 2017).
4. Interagency Assessment of Afghanistan Police Training and Readiness. URL: <https://oig.state.gov/reports/7973> (accessed 17 December 2017).

Мифтахов Ильдар Зуфарович, помощник начальника Казанского юридического института МВД России

e-mail: mifild@yandex.ru

© Мифтахов И.З.

Статья получена: 18.10.2018. Статья принята к публикации: 15.11.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Новик Н.Н.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

ISSUES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR CHILDREN OF MIGRANTS IN RUSSIAN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

В статье представлено исследование проблем психолого-педагогической и социокультурной адаптации детей мигрантов в российских дошкольных образовательных организациях. Анализ результатов экспериментального исследования работы педагогов с указанной категорией детей будет способствовать созданию системы работы по созданию благоприятных условий включения детей мигрантов в социокультурный контекст российского общества.

Ключевые слова: дети-мигранты, дети мигрантов, ребенок-мигрант, дошкольные образовательные организации

The article presents the study of issues of psychological, educational and social and cultural adaptation of children of migrants in Russian pre-school educational organizations. The analysis of the results of an experimental study of teachers' work with this category of children will contribute to establish the system of work to create favorable conditions for the inclusion of children of migrant in the social and cultural context of Russian society.

Keywords: migrant-children, children of migrants, migrant child, pre-school educational organizations

Для цитирования: Новик Н.Н. Проблемы психолого-педагогического сопровождения детей мигрантов в российских образовательных организациях // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 102-106. DOI: 10.24420/KUI.2018.33.18.009

For citation: Novik N.N. Issues of Psychological and Pedagogical Support for Children of Migrants in Russian Educational Organizations // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 102-106. DOI: 10.24420/KUI.2018.33.18.009

Изменение геополитической картины мира и активизация процессов миграции населения в мире и в России, которые мы имеем возможность наблюдать в последние десятилетия, не обошли стороной и систему образования, и по своей актуальности проблема включения детей мигрантов в социокультурный и образовательный процесс страны не уступает иным проблемам.

Наряду с сотрудниками правоохранительных органов, социальными работниками, решением проблем адаптации

детей мигрантов в обществе занимаются педагоги, психологи.

Анализ многочисленных эмпирических данных, полученных в результате исследований данной проблемы за последнее десятилетие, подтверждает тезис о том, что дети мигрантов являются одними из наиболее педагогически неблагополучных групп в любой стране.

Согласимся с утверждением Т.А.Силантьевой, что «дети-мигранты находятся в особенно трудных условиях: ребенок-мигрант попадает в среду, отли-

чающуюся от среды своего прежнего местожительства. По уровню своей культуры он является, как правило, выходцем из малообеспеченных слоев общества, которые социально не защищены, он не знает или плохо знает язык нового места жительства, и в процессе интеграции рискует потерять собственный язык и культурные особенности своей личности» [1, с.219-222].

Резкое изменение привычных условий жизни, вызванное переездом семьи в другую страну или регион, где иные культурные традиции, другой язык, приводит к дезориентации ребенка-дошкольника из семьи мигрантов, и в связи с этим все более актуальной для педагогов становится проблема социальной адаптации ребенка к новым условиям жизни, изменившемуся социуму [2].

Поскольку значительная часть экономических и вынужденных мигрантов – это многодетные семьи, чрезвычайно актуальной становится проблема адаптации детей-мигрантов дошкольного возраста в условиях детской дошкольной организации. Важно помнить, что каждый ребенок имеет право на получение образования. Главное – создать условия, при которых дети независимо от их культурной, расовой, национальной принадлежности могли бы себя полностью реализовать и стать полноценными членами общества. Как показывают проведенные разработчиками проектов по адаптации указанной группы детей, проблемы социальной адаптации не возникают у детей-мигрантов из Белоруссии, Украины, Прибалтики (что и вполне понятно). Появляются они в основном у детей-мигрантов неславянской этнической принадлежности, приехавших из азиатских стран СНГ, Кавказа, которые к том же сталкиваются с еще одной острой проблемой – дети мигрантов дошкольного возраста плохо говорят по-русски или не говорят совсем [3, с.18-20].

В рамках исследования проблемы адаптации детей мигрантов в дошкольных образовательных организациях,

нами была организована экспериментальная работа в детских садах г.Казани. Общая выборка составила 330 дошкольников. Экспериментальная работа проводилась в 2016-2018 учебных годах.

Цель первого этапа эксперимента – выявление и диагностика детей-мигрантов в детских садах. Данное исследование осуществлялось посредством ряда методик: анкетирование родителей детей мигрантов, неформальная беседа с родителями, анализ планов воспитательной работы ДОО, опрос воспитателей и руководителей ДОО.

В каждой из выбранных для исследования дошкольных образовательных организаций (ДОО) у старших воспитателей имелись сведения о наличии детей-мигрантов в общем количестве посещающих детский сад детей. Родители при приеме ребенка в детский сад предоставляют необходимые сведения (прописка, гражданство и т.п.). Необходимо учесть и тот факт, что в настоящее время запись в детские сады происходит через «электронную очередь». Детские сады переполнены, а количество желающих устроить своего ребенка в ДОО не убавляется, а только увеличивается с каждым годом. Поэтому детям мигрантов не просто попасть в детский сад. Для лиц, не являющихся гражданами России, устроить своего ребенка в дошкольную организацию очень сложно. Поэтому неорганизованных (то есть не посещающих ДОО) детей-мигрантов трудно учесть, хотя их достаточно много. Получается, что один из родителей в семье мигрантов не работает, а сидит дома с детьми (данные сведения подтвердились в ходе неформальной беседы с членами семей).

Можно отметить, что все семьи детей мигрантов, участвовавшие в эксперименте, уже достаточное количество времени проживают на территории России и хотя бы один из родителей уже имеет российское гражданство.

Все дети, посещающие ДОО, родились в России, но среди иностранных

граждан бытует искаженное представление, что ребенок, родившийся на территории РФ, приобретает гражданство РФ «по праву рождения». По законодательству РФ¹ ребенок иностранных граждан, родившийся на территории РФ, не приобретает гражданство РФ, несмотря на то, что ему и выдают свидетельство о рождении на российском бланке. Данный документ о рождении сам по себе не свидетельствует в данном случае о российском гражданстве ребенка. Исключение состоит в следующем: если государства родителей ребенка не предоставляет гражданство ребенку, то ребенку предоставляется гражданство РФ. Однако законодательство стран СНГ беспрепятственно предоставляет детям своих граждан гражданство этих стран, следовательно, по российскому законодательству ребенок не получает гражданства РФ.

104

Можно отметить, что почти все исследованные семьи переехали в Республику Татарстан после того, как главы семей нашли здесь относительно постоянный и стабильный доход. Все члены семей, не имеющие российского гражданства, имеют регистрацию в отделениях УФМС России по Республике Татарстан в городе Казани.

С помощью старших воспитателей, педагогов и психологов ДОО, а также родителей-мигрантов мы получили такие сведения.

Детский сад № 1 (экспериментальная группа) посещают 7 детей мигрантов (это три семьи: в первой семье – 2 ребенка (4 года 4 месяца и 6 лет 1 месяц) посещают данный детский сад, во второй семье – 2 ребенка (4 года 2 месяца и 5,5 лет), в третьей семье – три ребенка (4 года, 6,5 лет и 6,5 лет)).

Детский сад № 2 (контрольная группа) посещают 6 детей мигрантов (также три семьи: в первой семье – 1 ребенок посещает данный детский сад (6 лет), во

второй семье – 3 ребенка (3,5 года, 5 лет и 6,5 лет), в третьей семье – 2 ребенка (3,5 года и 5,5 лет)).

Все дети-мигранты проживают в городе.

Детский сад № 1 (экспериментальная группа): семья №1 прибыла в Россию в 2008 году из Узбекистана, семья № 2 прибыла в Россию в 2009 году из Узбекистана, семья № 3 прибыла в Россию в 2005 году из Азербайджана.

Детский сад № 2 (контрольная группа): семья №1 – отец прибыл в Россию в 2009 году из Кыргызстана, позже к нему переехала его семья; семья № 2 прибыла в Россию в 2009 году из Таджикистана, семья № 3 прибыла в Россию в 2007 году из Таджикистана.

Таким образом, национальный состав детей, принимавших участие в исследовании: 4 ребенка – узбеки по национальности, 3 ребенка – азербайджанцы, 1 ребенок – киргиз и 5 детей – таджики.

104

На следующем этапе исследования был проведен опрос педагогов, работающих с детьми-мигрантами, с помощью специально разработанного опросника. Педагогам предлагалось ответить на шесть вопросов, касающихся их осведомленности о существовании и применении технологий работы с детьми-мигрантами. Отвечали на вопросы все воспитатели контрольной и экспериментальной групп.

Обработав результаты, мы пришли к выводу, что в большинство педагогов как контрольной, так и экспериментальной групп не знают о специальных технологиях работы с детьми-мигрантами, а тем более не знают, как их правильно применять в своей работе с указанной категорией детей. Среди ответов наиболее осведомленных воспитателей встречались такие технологии, как технологии социальной работы с детьми-мигрантами, были названы технологии личностно-ориентированного и индивидуально-

¹О гражданстве РФ: закон РФ от 31.05.2002 № 62-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 N 243-ФЗ). Доступ из «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.09.2018).

го подхода, были указаны и некоторые развивающие технологии.

Однако при ответе на вопросы, какие мероприятия, приемы работы с группой дополнительно можно применять, если есть ребенок (дети) мигрантов, педагоги данных детских садов признались, что специальных мероприятий для таких детей они не проводят. Если и бывают какие-то мероприятия, то они носят скорее случайный характер.

При ответе на вопрос про мероприятия, приемы индивидуальной работы, применяемые в процессе психолого-педагогического сопровождения детей мигрантов, воспитатели также дали ответ, что такой целенаправленной работы ими не проводится: «Где-то что-то читала когда-то, но не применяю», «Совершенно не хватает времени на персональное психолого-педагогическое сопровождение ребенка-мигранта, успеть бы с группой провести се режимные моменты» и т.п.

Анализ годового плана ДОО контрольной и экспериментальной групп показал, что работа по психолого-педагогическому сопровождению детей-мигрантов дошкольного возраста ведется на недостаточном уровне. В планах контрольной и экспериментальной групп было зафиксировано всего по одному мероприятию, направленному на решение данного вопроса, – это выступление старшего воспитателя на педагогическом совете на тему «Индивидуальная работа с детьми-мигрантами в детском саду». Но вместе с тем в планы включены утренники и развлечения, которые предполагают участие детей-мигрантов. Из беседы с заведующими мы выяснили, что работа в этом направлении только еще начата, однако особый акцент сделан на работу воспитателей тех групп, в которых есть дети-мигранты. Они стараются включать детей в различные мероприятия, где дети занимаются также и театрализованной деятельностью и усваивают культуру поведения (творческие игры, выступления на утренниках, экскурсии и т.д.).

Из беседы с воспитателями выяснили, что они постоянно следят за поведением детей; использование в своей работе индивидуального подхода к таким детям считают важной задачей; стараются по возможности малоактивных и застенчивых, а также агрессивных детей-мигрантов включать в коллективные игры, где дети могут раскрыться; организуют творческие игры, развлечения; учат с детьми правила поведения и общения.

Таким образом, можно сделать вывод, что какой-то целенаправленной работы с детьми мигрантов ни в контрольной, ни в экспериментальной группах ДОО не проводится.

Анализ планов воспитательной работы показал: воспитатели планируют различные игры (строительные, ролевые), но в недостаточном количестве. В основном в планах отражены трудовые поручения, которые дети выполняют по 2-3 человека, свободные игры детей, свободное рисование, чтение художественной литературы, беседы с детьми. Воспитатели говорят о нехватке времени из-за большой загруженности. Но, на наш взгляд, работа по психолого-педагогическому сопровождению детей-мигрантов дошкольного возраста является неотъемлемой частью коррекционной и профилактической работы.

Работа с родителями по данному направлению никаким образом не спланирована, ведется фрагментарно, по необходимости, не целенаправленно. Также хотелось бы отметить, что и сами родители с большой неохотой идут на контакт с педагогами.

Таким образом, исследование показало, что в работе с детьми мигрантов в детских дошкольных организациях необходимо переосмысление самой ее сути, включение в планирование воспитательной работы в ДОО обязательных мероприятий, ориентированных на создание благоприятных условий включения детей мигрантов в социокультурный контекст российского общества с целью воспитания их полноценными гражданами российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силантьева Т. А. Социокультурная адаптация детей-мигрантов // Вестник АГТУ. 2007. №1.С.219-222.
2. Баярмагнай М. Взаимодействие педагогов и родителей в процессе адаптации ребенка из семьи мигрантов в детском саду : дис. ... канд.пед.наук : 13.00.01. М., 2008. 177 с.
3. Гайдук Т.А. Психолого-педагогическое сопровождение работы с детьми-мигрантами дошкольного возраста (разработка проекта) // Сибирский вестник Специального образования. 2015. № 1(14).С. 18-20.

Новик Наталья Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования Казанского федерального университета

e-mail: novik-n-n@mail.ru

© Новик Н.Н.

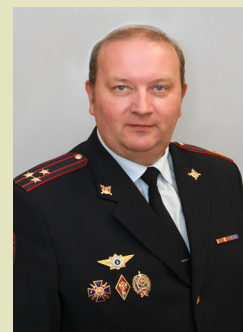
Статья получена: 18.10.2018. Статья принята к публикации: 05.11.2018. Статья опубликована онлайн:15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Романюк В.С.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ

ISSUES OF DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY IN THE PRE-REVOLUTIONARY POLICE OF RUSSIA

В статье анализируются ключевые предпосылки, объективные условия формирования социально-культурной деятельности сотрудников полиции в дореволюционный период.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, полиция, досуг, культурно-досуговые учреждения

The article analyzes the key prerequisites, the objective conditions for the formation of the socio-cultural activities of police officers in the pre-revolutionary period.

Keywords: social and cultural activities, police, leisure, cultural and leisure institutions

107

Для цитирования: Романюк В.С. Проблемы развития социально-культурной деятельности в дореволюционной полиции России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 107-110. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.97.010

For citation: Romanuk V.S. Issues of Development of Social and Cultural Activity in the Pre-Revolutionary Police Of Russia // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 107-110. DOI: 10.24420/KUI.2018.49.97.010

107

Социально-культурная деятельность сотрудников российской полиции является неотъемлемым компонентом морально-психологического обеспечения всех видов оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел. Несмотря на то, что данная область деятельности в рамках системы МВД России традиционно именуется культурно-просветительной работой, по сути решает вопросы организации свободного времени полицейских. С этой целью при непосредственном участии Департамента государственной службы и кадров МВД России регулярно организуются многочисленные мероприятия, среди которых конкурсы и фестивали различной направленности. Все это позволяет говорить о поддержке и заинтересованности руководства ведомства в развитии художественной самодеятельности сотрудников полиции и курсантов.

К примеру, только в одном из наиболее известных из этих фестивалей, носящем название «Щит и лира», ежегодно принимает участие более нескольких тысяч полицейских и курсантов вузов МВД России практически из всех регионов страны, что свидетельствует об интересе к сотрудникам правоохранительных органов к данному способу свободного времяпровождения и их значительном творческом и культурном развитии.

В связи с этим важно отметить, что во многих подразделениях системы МВД России созданы и функционируют внештатные творческие коллективы из числа сотрудников органов внутренних дел, пользующиеся популярностью не только в нашей стране, но и за рубежом. Социально-культурная деятельность является приоритетной и для специально организованных в структуре МВД России куль-

турных центров, деятельность которых целиком сконцентрирована на создании условий для реализации полицейскими различных массовых форм досуга. Наряду с этим, эффективному и содержательному досугу сотрудников полиции способствует социальное партнерство с культурно-досуговыми и образовательными организациями, также предоставляющими необходимые возможности для дальнейшего личностного развития человека в свободное время.

В целом, можно утверждать, что на сегодняшний день в МВД России создана целостная система содействия организации социально-культурной деятельности сотрудников полиции, способствующая развитию любительства в социально-одобряемых формах досуга.

Разумеется, такая система не возникла одномоментно и претерпела значительный путь своего возникновения и совершенствования, истоки и ход которого следует искать в развитии самой российской полиции, чья история, как известно, насчитывает уже более 300 лет. Являясь составной частью общей и профессиональной культуры человека, постепенно развивающейся в русле исторического процесса, социально-культурная деятельность сотрудников органов внутренних дел органов следовала этим тенденциям, отвечая растущим запросам личности в области досуга и требованиям современности к формам и способам его проведения. В связи с этим одной из важнейших задач при изучении социально-культурной деятельности полицейских является обнаружение важнейших исторических предпосылок, детерминирующих необходимость приобщения человека, чья профессиональная деятельность связана с охраной правопорядка, к культурным образцам проведения свободного времени.

Из этого следует, что работа по определению и раскрытию исторических предпосылок и этапа зарождения социально-культурной деятельности сотрудников полиции должна быть связана с исследо-

ванием конкретно-исторических условий правоохранительной деятельности.

Предварительный анализ данной проблемы показал практически полное отсутствие научных источников, раскрывающих те или иные аспекты социально-культурной деятельности полицейских. В большей мере этот вывод относится к начальному этапу становления социально-культурной деятельности сотрудников полиции. Как правило, данный этап связывается с возникновением советской милиции, когда руководство ведомства пыталось ставить и решать задачу культурного и политического просвещения сотрудников, для решения которой была проведена серьезная работа, итогом которой явилось становление целостной системы социально-культурной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Досуг, в понимании его как бюджета свободного времени, является вневременной категорией, присущей абсолютно каждому человеку, жившему и в древнем, и современном мире. Поэтому досугом как частью времени, освобожденного от выполнения профессиональных обязанностей, в равной мере обладали сотрудники правоохранительных органов во все времена, как в наши дни, так и в советский, а также дореволюционный период. Исходя из этого, можно утверждать, что социально-культурная деятельность сотрудников правоохранительных органов, при наличии определенных предпосылок, могла возникнуть с момента возникновения самой полиции, т.е. в 1718 году.

Рассуждая о предпосылках социально-культурной деятельности полицейских дореволюционного периода, важно отметить несколько важных аспектов данного вопроса.

Во-первых, социально-культурная деятельность сотрудников правоохранительных органов ни в коем случае не может ассоциироваться с какой-либо составной частью их профессии и должна восприниматься исключительно как способ свободного времяпровождения. В этом

значении социально-культурная деятельность представляет собой тот или иной вид единовременных занятий полицейского в его свободное время или его хобби, к которому он прибегает время от времени. Поэтому и генерал-полицмейстер, и обер-полицмейстер, и городничие, а также более низкие чины располагали тем или иным бюджетом свободного времени, которое могло быть посвящено социально-культурной деятельности.

Во-вторых, рассматривая вопрос о предпосылках социально-культурной деятельности полицейских дореволюционного периода, нужно отметить общий низкий уровень культурного развития как населения России в целом, так и сотрудников правоохранительных органов, большая часть которых была необразованной и безграмотной. При этом, учитывая особенности кадрового состава большей части дореволюционной полиции, полагать, что таким видом занятий являлись какие-либо культурные их формы, не приходится. Так, например, еще в 1726 году в донесении Сенату указывалось, что в полиции служат «освободившиеся с каторги и гулящие люди», неоднократно замеченные в непристойностях и пьянствах [1, с.45-46]. Постепенно эта ситуация менялась и в полиции начали служить более грамотные люди, в круг интерес которых могли входить более культурные виды досуговых занятий. Наряду с этим достаточно низкое материальное обеспечение сотрудников дореволюционной полиции существенно ограничивало возможность посещения культурно-досуговых учреждений, предназначенных лишь очень узкого круга лиц, а именно представителей буржуазии и аристократии. Безусловно, для лиц, занимавших руководящие посты в Департаменте полиции, губернских, уездных и городских полицейских органах, должна была существовать масса возможностей культурного проведения своего досуга (посещение театров и музеев и проч.). Но для чинов среднего и нижнего звена полиции — урядников, приставов, городских — таких

возможностей было существенно меньше, и прежде всего ввиду значительной продолжительности рабочего времени.

В-третьих, практически до начала XX века статус досуга как формы и способа личностного развития человека еще не сформировался, также отсутствовали как научные, так и методические разработки по его организации. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что в таких условиях в системе правоохранительных органов российской империи для осуществления социально-культурной деятельности полицейских в ее современном понимании не имелось серьезных предпосылок. Тем не менее, по мнению одного из исследователей проблемы досуга сотрудников МВД России И.Ю.Лазаревой, еще в 1910 году на страницах ведомственной периодической печати ставился вопрос о необходимости организации клубной деятельности полицейских [2, с.190-194]. При этом в качестве ключевых мотивов создания клубов полицейских назывались исключительно педагогические цели: профилактика асоциального образа жизни, безнравственного поведения, укрепление корпоративной культуры и др.

Таким образом, начальный период становления социально-культурной деятельности в российской полиции по объективным причинам не мог даже приблизиться к современным формам проведения досуга современного полицейского. Ввиду полного отсутствия коллективных форм досуга в лучшем случае это могли быть индивидуальные занятия полицейских тем или иным видом искусств либо участие в культурных мероприятиях (праздниках, ярмарках и т.д.), организованных иными лицами. При этом предпосылки социально-культурной деятельности в российской полиции имелись с самого начала возникновения правоохранительных органов, но послужить детерминантами массового приобщения полицейских к культурному досугу они не могли ввиду неразвитости всего российского общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбников В.В., Алексушин Г.В. История правоохранительных органов Отечества: учебное пособие. М.: «Щит-М», 2008.
2. Лазарева И.Ю. От милиции – к полиции, или размышления о чтении статьи в журнале «Вестник полиции» за 1910 год // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. № 2.

Романюк Владимир Станиславович, доцент кафедры административного права, административной деятельности и управления органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент
е-mail: rovlasstt@mail.ru

© Романюк В.С.

Статья получена: 20.10.2018. Статья принята к публикации: 06.11.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Смирнова Е.О.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ И АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

ISSUES OF TRANSLATION OF LEGAL REALIA OF ROMANO-GERMANIC AND ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEMS

Статья рассматривает трудности перевода русской и английской юридической терминологии через призму отличия правовых систем Российской Федерации и некоторых англоговорящих стран. Представлены результаты сравнительного анализа правовых систем России и англо-говорящих стран, отмечены трудности перевода, предложены варианты передачи юридических реалий, отсутствующих в русском праве, приведены типичные примеры несовпадения значений терминов США и Великобритании.

Ключевые слова: тип правовой системы, юридическая ответственность, правовые реалии, юридические реалии, юридические термины, эквивалентность перевода, заимствования, английский язык, русский язык

The article considers translation challenges of English and Russian terminology through the lens of difference of legal systems of the Russian Federation and English-speaking countries. The author provided a comparative overview of legal systems of Russia and English-speaking countries, figured out translation challenges, gave variants of translation of legal realia that do not exist in Russian law, provided vivid examples of incongruity of meaning of terms of the USA and the UK.

Keywords: type of legal system, legal responsibility, legal realities, legal realities, legal terms, equivalence of translation, borrowings, English language, Russian language

Для цитирования: Смирнова Е.О. Трудности перевода юридических реалий романо-германской и англосаксонской правовых систем // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 111-115. DOI: 10.24420/KUI.2018.36.83.011

For citation: Smirnova E.O. Issues of Translation of Legal Realia of Romano-Germanic and Anglo-Saxon Legal Systems // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 111-115. DOI: 10.24420/KUI.2018.36.83.011

Любой человек, столкнувшийся с необходимостью качественно и эквивалентно перевести текст, должен иметь в виду, что язык – несамостоятельный инструмент общения, он изменяется вслед за жизнью и не может существовать отдельно от нее. Язык – довольно гибкая система, но это достоинство языка меркнет на фоне того, что каждый язык имеет уникальные свойства, часто не совпадающие между языками, причиной этого являются, прежде всего, разные уклады жизни стран. Это отличие кос-

нулось и юридической сферы и может представлять своеобразную опасность для переводчика, поскольку он несет юридическую ответственность за неверную передачу информации.

Юридический перевод, по мнению автора статьи, с одной стороны, не представляет трудности, т.к. его тематика (документация, законы, бизнес-планы, соглашения, договоры) структурирована, точна, логична, предсказуема и не имеет эмоциональной окраски, что значительно упрощает перевод. С другой

стороны, юридическая сфера – одна из сложных сфер переводоведения, т.к. правовые системы Российской Федерации и англоязычных стран отличаются между собой: США, Великобритания, Канада, Австралия и т.д. входят в англосаксонскую (англо-американскую) систему, Россия – в романо-германскую. Эти системы (правовые семьи) зародились в разное время, имеют отличное друг от друга развитие, источники, особенности. К примеру, романо-германская правовая семья появилась еще в IX в. до н.э. Англо-американская возникла значительно позже, в 1066 г. Романо-германской семье присуще разделение права на частное и публичное, в англосаксонской семье публичное право доминирует над частным, основную роль играет прецедент, отсутствует четкое отраслевое деление системы права в отличие от романо-германской семьи, где основной источник права – закон и существует четкое деление права.

Не все юридические понятия имеют место и в праве англоязычных стран, и в праве РФ. Для качественного перевода недостаточно обладать лишь глубокими лингвистическими, переводоведческими знаниями – необходимо также уверенно ориентироваться в правовых системах. Перед переводчиком стоят задачи эквивалентного, точного перевода без значительной потери информации и эквивалентного перевода юридических реалий, которые отсутствуют в языке-реципиенте.

Переводчику, возможно, придется дополнять перевод комментариями к тем или иным реалиям, не существующим в языке-реципиенте либо отличным от оригинального текста.

Другой не менее важной задачей может быть выбор приема перевода термина: описательный, транскрипция, транслитерация. Выбор приема перевода зависит от типа термина: если термин отсутствует в языке-реципиенте либо частично совпадает с оригинальным текстом, рекомендуется использовать

описательный перевод либо транскрибирование, транслитерирование с примечанием.

Так, например, определенную трудность для перевода представляют виды юридических лиц. В праве РФ нет аналога S corporation (или Small corporation, S Corps). Согласно современным источникам, S corporation – это компания с небольшим числом акционеров (один источник утверждает, что акционеров не должно быть более 35 [1], другой – не более 75 [2]), которая не выплачивает налог на прибыль, однако прибыль переходит от корпорации к ее акционерам, которые платят налоги на доходы и покрывают убыток. Главное требование – необходима регистрация в Секретариате США. Иными словами, на территории Российской Федерации регистрация S Corps невозможна, поэтому аналогов данной корпорации в России нет, однако у S corporation есть схожие черты с закрытым акционерным обществом (ЗАО), тем не менее, переводить S corporation как ЗАО не рекомендуется, поскольку ЗАО имеет другие особенности функционирования и подчиняется российскому законодательству.

Отсутствие аналога Small corporation в РФ влияет на перевод. Например, сайт «Финансовые инвестиции» [3] сохраняет оригинальное название, сайт «Записки об офшорах» использует такие термины, как «корпорация S-типа» или «S-корпорация». На взгляд автора, частичное заимствование целесообразней, чем полное заимствование, так как при частичном заимствовании проникновение иностранной лексики в русский язык происходит в меньшей степени.

Чтобы правильно перевести термин, необходимо найти его значение в толковом юридическом словаре, одобренном Министерством образования и науки РФ либо образовательным учреждением англоговорящей страны. Затем обратиться к официально установленному английскому толковому словарю юридических терминов, например, к Юридическому

словарю Блэка¹. Потом выбрать термин языка реципиента, после чего сравнить значение терминов русского и английского права. При несовпадении или частичном совпадении автор советует транскрибировать или транслитерировать термин, давая переводческий комментарий с определением чуждого для языка-реципиента термина.

Например, согласно Большому юридическому словарю, «Общество с ограниченной ответственностью – по гражданскому законодательству РФ учрежденное одним или несколькими лицами общество, уставный капитал которого разделен на доли определенных учредительными документами; участники О. с о. о. не отвечают по его обязательствам и несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости внесенных ими вкладов...»².

113

Русско-английский словарь «Мультитран» дает перевод «Общество с ограниченной ответственностью» как *limited liability company*. Обратимся к Большому юридическому словарю Блэка для перевода данного термина: “*limited liability company (LLC) - US business structure type that is relatively recent. It combines corporation limited personal liability with partnership or sole proprietorship single taxation. Each shareholder files own separate tax return. Profits and tax benefits are split any way the stockholder and shareholder entities choose. LLC tax return is informational for the taxation authorities...*”³.

Среди переводчиков нет единого мнения по переводу типов юридических лиц. Согласно комментарию в онлайн-словаре «Мультитран», не рекомендуется использовать эквивалентный перевод при передаче названий видов юридических

лиц, целесообразно давать транслитерацию, например: ЗАО - ЗАО, ООО – ООО⁴. Такого же мнения придерживаются авторы статьи сайтов «Тетран» [4] и «Эра» [5]. Автор статьи «ЗАОПарк или как переводить ООО, ЗАО, ОАО и других обитателей» Марина Нестругина не занимает определенную позицию по транслитерации либо поиску эквивалента при переводе названия типа юридического лица, кроме того, цитирует документ Национальной лиги переводчиков, в котором указано, что единая система передачи имен собственных в русском и английском языке отсутствует [6].

Несмотря на одну и ту же правовую семью, в англоговорящих странах не всегда используются термины с одним и тем же смысловым наполнением. Так, в русском языке термин «закрытое акционерное общество» имеет частичный эквивалент “*limited liability company*” в американском диалекте английского, в Великобритании – “*private limited company*” и “*private company limited by shares*”. В русском языке Гражданско-процессуальный кодекс имеет эквивалент *Rules of Civil Procedure* в американском и канадском диалектах английского, *Civil Procedure Rules* - в британском диалекте английского, а *Code of Civil Procedure* – эквивалент Гражданско-процессуального кодекса Калифорнии [7] и гражданско-процессуального кодекса Индии 1908 года [8].

113

В уголовном судопроизводстве США отсутствует термин «понятое», тем не менее переводчик должен передать смысл этого понятия описательным приемом перевода, давая краткий комментарий. Основная задача переводчика – реципиент должен понять смысл этого термина. Этот термин уместно перевести глаголом *witness to the search*⁵.

¹Юридический словарь Блэка. URL: <http://www.freelawdictionary.org/> (дата обращения: 17.10.2018).

²Большой юридический словарь. URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law15.php (дата обращения: 20.10.2018).

³*Limited liability company (LLC)*. URL: <http://www.freelawdictionary.org/limited-liability-company-llc/> (дата обращения: 28.10.2018).

⁴Мультитран // онлайн-словарь. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?l1=1&l2=2&s=%c7%c0%ce+> (дата обращения: 28.10.2018).

⁵Там же. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?cl=1&s=%ef%ee%ed%ff%2%fb%e5&l1=1> (дата обращения: 31.10.2018).

Одним из условий правильной передачи информации переводчиком является знание того, для какого штата он переводит. Если перевод грамматически, стилистически, лексически точен, но переводчик не учел, что разные штаты имеют различные названия определенного документа, он не застрахован от ошибок. Например, разные штаты имеют разные наименования документа о рождении: Флорида, Техас – Certificate of Birth, Западная Вирджиния – Birth Certificate, Вирджиния – Certificate of Birth, Айова – Certificate of Live Birth.

Паспорта граждан англоговорящих стран и Российской Федерации отличаются незначительно, но в паспорте гражданина РФ отсутствуют код государства и тип паспорта. Однако эти графы есть в паспорте гражданина Великобритании и США. Type P означает “Personal regular passports”, Type S – “Service”, Type D – “Diplomatic” [9].

114

Не рекомендуется игнорировать перевод кода государства и типа паспорта, основываясь на том, что праву РФ чужды эти графы. На взгляд автора, целесообразно для большей информативности использовать калькирование, например: Type P – Тип «Общегражданский паспорт», Type S – Тип «Паспорт государственного гражданского служащего», Type D – «Дипломатический паспорт».

Еще одним важным вопросом является перевод антропонимов. В переводе часто играет роль субъективный фактор: один и тот же текст не может быть переведен разными переводчиками одинаково. Это может негативно влиять на перевод одного и того же имени собственного, например, фамилия Толстой имеет несколько вариантов транскрипции: Tolstoy, Tolstoi, Tolstoj. Если с документами будут работать разные переводчики, рекомендуется выбрать единый и правильный, согласно транскрипции, вариант перевода имен собственных. Благодаря этому условию,

возможно, удастся избежать юридического несоответствия, а следовательно, редактирования документов.

Фонетика английского и русского языков отличается во многом: к примеру, в английском отсутствуют такие звуки, как [й', ц, ы]. Различия фонетических систем влечет ошибки в транскрибировании антропонимов. В настоящее время русский звук [х] в английской транскрипции передается в паре с буквой [k]. По мнению автора, добавление [k] к [h] только мешает англоговорящему произнести русский антропоним правильно. Реципиенты перевода, незнакомые с фонетикой русского языка, ошибочно произносят, к примеру, фамилию Хабаров как [Кхабаров], Ханин как [Кханин], Чехов как [Chekhov] в соответствии с написанием в языке-реципиенте: Khabarov, Khanin, Chekhov и т.п. Звук [х] – [h] есть в английском и русском языках, однако этот звук в английском фриктивный (шумный), а в русском – глухой. Данное отличие – причина неправильного выбора транскрибирования звуков, т.е. «наращения» [k] к [h]. Например, на англоязычном сайте Войскап фамилия «Чехов» отчетливо произносится шестью выступающими как «чеков»¹, хотя русский звук [х] не должен вызывать трудностей произношения у англоговорящего, т.к. в английском, как указывалось выше, есть слова с данным звуком, которые незначительно отличаются от русского [х]: heel², behind³. Проблема перевода имен собственных на английский язык остается не решенной.

114

При переводе иностранной реалии на русский язык и наоборот правоведам необходимо работать вместе с переводчиками, поскольку риск неточного перевода высок, неправильно заимствованный термин может закрепиться в языке, что может вызвать юридические ошибки, непонимание русской и английской (американской) сторон, взаимосмещение понятий. Важным является сбор информации о стороне-реципиенте.

¹Voicecup. (Войскап). URL: <https://voicecup.com/ru/word-pronunciation/chekhov> (дата обращения: 01.11.2018).

²Voicecup. (Войскап). URL: <https://voicecup.com/ru/word-pronunciation/heel>

³Voicecup. (Войскап). URL: <https://voicecup.com/ru/word-pronunciation/behind> (дата обращения: 01.11.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. What is an S Corporation? (Что такое S-корпорация?). URL: <http://www.businessdictionary.com/article/38/what-is-an-s-corporation/> (дата обращения: 15.10.2018).
2. S Corporation Law and Legal Definition (Юридическое определение понятия «S-корпорация»). URL: <https://definitions.uslegal.com/s/s-corporation> (дата обращения: 15.10.2018).
3. Что такое S Corporations. URL: <http://allfi.biz/glossary/eng/S/scorporations.php> (дата обращения: 17.10.2018).
4. Что использовать при переводе. URL: <http://tetran.ru/sitecontent/details/15> (дата обращения: 28.10.2018).
5. Перевод названий организационно-правовых форм компаний. URL: <http://era24.ru/o-kompanii/nashi-stati/perevod-nazvanij-kompanij/> (дата обращения: 30.10.2018).
6. ЗАОпарк или как переводить ООО, ЗАО, ОАО и других обитателей. URL: <http://blog.tran.su/shkola/ne-zaorat-ooot-uzhasa/> (дата обращения: 30.10.2018).
7. California Code, Code of Civil Procedure – CCP (Гражданско-процессуальный кодекс штата Калифорния). URL: <https://codes.findlaw.com/ca/code-of-civil-procedure/>
8. Code of Civil Procedure, 1908 (Гражданско-процессуальный кодекс 1908) URL: <http://www.advocatekhoj.com/library/bareacts/codeofcivilprocedure/index.php?Title=Code%20of%20Civil%20Procedure,%201908>
9. What does type p mean on a passport? (Что значит тип П в паспорте?). URL: <http://www.accessify.com/question/201034/645556> (дата обращения: 01.11.2018).

Смирнова Екатерина Олеговна, редактор редакционного-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

e-mail: translator.kate@yandex.ru

© Смирнова Е.О.

Статья получена: 19.10.2018. Статья принята к публикации: 06.11.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Шамсеева Г.Х.

ЮРИДИЧЕСКИЕ «ВКРАПЛЕНИЯ» В ТЕКСТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА СИДНИ ШЕЛДОНА (“RAGE OF ANGELS”))

LEGAL INCLUSIONS IN THE FICTION AND THEIR
FUNCTIONAL IMPORTANCE (ON THE EXAMPLE OF THE
NOVEL BY SIDNEY SHELDON (“RAGE OF ANGELS”))

В статье рассматриваются особенности употребления юридических терминов в тексте художественного произведения на примере романа американского писателя Сидни Шелдона «Гнев ангелов». Проведен лингвостилистический анализ некоторых тропов, используемых в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: юридическая терминосистема, юридический термин в тексте художественного произведения

The peculiarities of using law terms in the context of novels are studied in the article. The American writer Sydney Sheldon's bestseller – “Rage of Angels” is the basis for the research. Some law terms and stylistic trails from this novel are studied and analyzed.

Key-words: law terminology, law term in the context of novel, novel of S. Sheldon

Для цитирования: Шамсеева Г.Х. Юридические «вкрапления» в тексте художественного произведения и их функциональная значимость (на примере романа Сидни Шелдона (“Rage of Angels”)) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. Т.3. №6. С. 116-119. DOI: 10.24420/KUI.2018.42.77.001

For citation: Shamseeva G.H. Legal Inclusions of Fiction and their Functional Importance (on the example of the novel by Sidney Sheldon (“Rage of Angels”)) // Uchenye Zapiski of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. T.3. №6. P. 116-119. DOI: 10.24420/KUI.2018.42.77.001

Ясность, точность и простота – три кита, на которых базируется язык закона и права, язык юридической терминологии, который не имеет права толковаться иносказательно и двусмысленно. По справедливому мнению академика Л.В. Щербы, «язык закона требует, прежде всего, точности и невозможности каких-либо кривотолков» [1, с. 21].

Как известно, право обращается в первую очередь не к чувствам и эмоциям, а к разуму и воле. Однако за пределами юридического дискурса, например, в тексте художественного произведения юридические термины выполняют совершенно несвойственную им функцию [2, с.108]. В таких произведениях, как

«Американская трагедия» Т. Драйзера, «Обратная сторона полуночи» С. Шелдона, «Крестный отец» М. Пьюзо, «Алиса в стране чудес» Л. Кэррола, термины права выполняют не совсем свойственную им функцию.

В данной статье рассмотрим юридические «вкрапления» в остросюжетном романе Сидни Шелдона “Rage of Angels” («Гнев ангелов»). Термин «юридические вкрапления» вводит и активно использует ученый А.М. Пыж, и он, на наш взгляд, как нельзя точно передает его смысл.

Следует отметить, что языковые особенности произведений Сидни Шелдона, одного из самых читаемых авторов

в мире, не раз становились объектом литературоведческого анализа. Так, Ю.А. Подъячева, исследуя индивидуальные стилистические особенности автора, указывает на разговорную речь как отличительную черту многих его произведений [3].

В настоящей статье мы рассмотрим стилистическую функцию юридических терминов в романе Сидни Шелдона «Гнев ангелов».

Исследование юридических терминов в тексте художественного произведения показало, что они используются для создания необходимого колорита – изображения обстановки действия и речевой характеристики персонажей.

Как правило, в эпицентре романов Сидни Шелдона стоят яркие, незаурядные, сильные и волевые женщины – будь то Дженифер Паркер в «Гневе ангелов» (*“Rage of Angels”*), Трейси Уитни в «Если наступит завтра» (*“If Tomorrow Comes”*), Кэтрин Александр Дуглас в «Другой стороне полуночи» (*“The Other Side of the Midnight”*).

Неотъемлемой частью многих произведений Шелдона является описание судебного процесса, что, несомненно, привлекает наше внимание с точки зрения изучения юридической терминологии в несвойственном ему дискурсе. Героини и герои произведений Сидни Шелдона не раз выступают в зале суда в качестве защитников (*“Rage of Angels”*), обвиняемых (*“If Tomorrow Comes”*) и свидетелей (*“Nothing Lasts Forever”*). Язык исполнения правосудия лишен эмоциональности, многозначности и завуалированности, он ясен, краток, точен. Бесстрастный тон, выраженный литературными синтаксическими конструкциями, создает торжественную атмосферу судебного производства.

Судебные коннотации призваны нести важную функциональную значимость. Например, в анализируемом произведении автора, героиней которого является талантливый начинающий юрист Паркер, важное место отводится

описанию судебных заседаний. Ловко «жонглируя» юридической терминологией, казалось бы, даже в самых «бесперспективных» делах, она умело направляет исход судебного дела в нужное ей русло. Здесь особенно наглядно демонстрируется «сила слова», его способность воздействовать на присяжных заседателей, судью, общественность.

“Jennifer took a deep breath and said, “If Your Honor please,” and then she turned back to the jurors. “Ladies and gentlemen, the reason we have courtrooms, the reason we are all here today, is because the law, in its wisdom, knows that there are always two sides to every case. Listening to the District Attorney’s attack on my client, listening to him pronounce my client guilty without benefit of a jury’s verdict—your verdict—one would not think so” [4, с. 3]. - «Она глубоко вздохнула и начала: - Леди и джентльмены! Мудрый закон знает, что в любом деле всегда есть две стороны, и поэтому у нас и существуют суды, поэтому мы и собрались сегодня здесь. Однако в это трудно поверить, слушая, как окружной прокурор атакует моего клиента, как объявляет его виновным, не дожидаясь вашего вердикта» [5].

Для нарочитой официальности, являющейся неотъемлемой частью судебной системы, героиня называется автором не иначе как полным именем – “Jenifer Parker”. Это не позволяет читателю забывать, что она – один из «инструментов» системы исполнения правосудия. Паркер исполняет свои непосредственные обязанности – защиту обвиняемого без каких-либо «эмоциональных реверансов». Но, несмотря на так называемую безличность и эмоциональную сухость языка закона, анализируемое произведение изобилует стилистическими тропами (*“The city looked like a gigantic Christmas card”* [4, с. 69] («Город походил на гигантскую рождественскую открытку», *“Cold blood murder”* («Убийство, леденящее

кровь») [4, с. 96], “The reporters were not there as objective observers; they were there as birds of prey and she was their carrion”(«Репортеры были не как бесстрастные наблюдатели, а как хищные птицы, и она была их падалью») [4, с. 92], которыми мастерски пользуется автор вне прямой речи героев, чей язык достаточно сдержан, формален и повинует определенным канонам. Выдавая эти образные фигуры речи устами автора, который остается «за кадром», Шелдон держит читателя в динамичном напряжении. Стилистически оформленные тропы гармонично переплетаются с языком судопроизводства, точным, четким, не приемлющим двусмысленности и иносказательности.

Автор сравнивает мастерски исполненную речь окружного прокурора, сумевшего завладеть вниманием присяжных заседателей, с дирижером в оркестровой яме – “he was on orchestra leader and the jury was his orchestra” [4, с. 97]; зал судебного заседания с сердцем свободы – “the heart freedom” [4, с. 27]; время, которое кажется Дженифер бесконечным, – “Jenifer killed thirty minutes in the corridor outside the office” [4, с. 65]; борьба сомнений в душе одного из героев в зале судебного заседания (“...he carries his own hell with him”) («...он несет свой ад с собой») [4, с. 70] также описаны метафорично.

Проведенный анализ показал, что язык судебного делопроизводства в романах Сидни Шелдона краток и лаконичен, содержит термины права, которые тем не менее понятны для читателя, далекого от юриспруденции (“they were accused of rape and theft and possession of guns or dope or assault or prostitution...” [4, с. 75], (“a murder committed during a robbery”) [4, с. 17] («их обвиняли в изнасиловании и воровстве и владении оружием или наркотиками, или нападениями, или в проституции»), но и латинскими терминами права: “magna cum laude” (с отличием), “a pro bono case” (дело на добровольных началах);

“quid pro quo”(услуга за услугу); “modus operandi” (образ действия).

В произведении можно встретить и профессиональные жаргонизмы. «Они используются в качестве средств, дублирующих официальную юридическую терминологическую систему, покрывающую предметную область юриспруденции. Это дублирование продиктовано тем, что в рутинном профессиональном общении так называемые «громоздкие», или многокомпонентные, термины права слишком длинны, неудобны, семантически избыточны и академически сухи, чтобы обеспечить оперативное, относительно неформальное и поэтому эмоционально нагруженное общение в этом коммуникативном поле» [2, с. 72].

Например, “Parker, your client is booked on bedpain”.- “My client is booked on what? - “Bedpain. Burglary, with a Break, Enter, Dwelling, Person, Armed, Intent to kill at Night” [1, с. 74]. «Паркер, у вашего клиента почки».- «Почки?» – «Да, почки: попытка ограбления частной квартиры, избиение. Ясно?»[6].

О социальном статусе обвиняемого в жестоком двойном убийстве («Гнев ангелов») красноречиво говорят просторечные слова и жаргонизмы, активно употребляемые им в большом количестве: “Tell ya what, doll, you crawl into my skin and I’ll crawl into yours, and then you’n me’ll rap `bout hate”[4, с. 80] - «Вот что, куколка, давай ты заберешься в мою шкуру, а я – в твою. И тогда мы поговорим об этом» [7, р.26].

Автор дополнил колоритный и устрашающий персонаж, упомянутый выше, описанием его «простоватой и неприятной внешности», полным метафор и эпитетов: “Abraham Wilson was the ugliest human being Jenifer Parker had ever seen. He was coal-black, with a nose that had been broken in several places, missing front teeth and tiny, shifty eyes set in a knife-scarred face” [4, с. 79]. «Абрахам Уилсон был самым безобразным существом, которое она когда-либо видела. Его кожа была угольно-черной,

нос переломлен в нескольких местах, во рту не хватало нескольких передних зубов, а маленькие бегающие глазки едва выделялись на испещренном ножевными шрамами лице» [7, p.25].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что юридическая терминология,

активно использованная в художественном произведении, позволяет раскрыть не только юридическую, но и психологическую, культурную, духовную суть происходящего, осмысливаемую через призму этических категорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щерба Л.Б. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 20-21.
2. Пыж А.М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии: дис. ...канд. филол. наук. Самара, 2005. 187 с.
3. Подъячева Ю.А. Языковые особенности романов Сидни Шелдона // Вестник ТИЭИ. 2013. Вып. 2. С. 57-67.
4. Sheldon S. Rage of Angels, N.Y., G.C.P. 504 p.
5. Гнев ангелов. URL:https://www.booksite.ru/localtxt/she/ldo/sheldon_s/gnev/angelov/gnev_angelov/5.htm.
6. Гнев ангелов. URL:<https://librolife.ru/g2470877>.
7. Гнев ангелов. URL:<http://knijky.ru/books/gnev-angelov?>

Шамсеева Гульнара Хамитовна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры языковедения и иностранных языков Казанского юридического института МВД России

е-mail: gulnarashamseeva@mail.ru

© Шамсеева Г.Х.

Статья получена: 19.10.2018. Статья принята к публикации: 05.11.2018. Статья опубликована онлайн: 15.11.2018.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в электронном журнале «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается 2 раза в год.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в электронный журнал «Ученые записки Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде.

2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).

3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:

- сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);

- заглавие публикуемого материала;

- индекс УДК;

- аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.

4. Объем статьи – от 5 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Технические требования:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;

- параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;

- абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;

- ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.

6. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

7. Публикация статей в журнале бесплатно.

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на представляемое произведение.

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, версий английского перевода, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru, с пометкой «Для электронного журнала»).